

федор
востриков

И ДРЕВНЯЯ
И БУДУЩАЯ

РУСЬ

федор
востриков

И ДРЕВНЯЯ
И БУДУЩАЯ

РУСЬ

Пермь'97

ВОСТРИКОВ Ф. С.

И древняя, и будущая Русь

Стихи. Пермь. 1997 г.

Сборник лирических стихотворений, объединенных темой любви к земле, природе, Отечеству, осмысление глубинных связей современности с историей Родины.

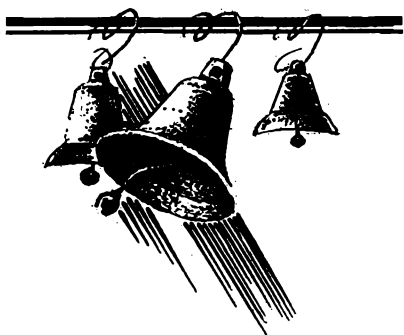
Известный пермский поэт, член Союза писателей России, Федор Востриков родился в Самарской области в семье потомственных хлеборобов. Детство и юность его прошли в деревне, в заволжских степях. С 1969 года поэт живет на Урале. Работает педагогом-организатором, ведет литературное объединение «Тропа» при городском Дворце творчества юных, часто выступает по областному радио, выезжает на встречи с читателями в самые отдаленные глубинки Пермской области, Урала, России. Поэт побывал на Байкале и Ангаре, на Иртыше и Оби, на Оке и Двине. Его поэзия давно дорога не только читателям Прикамья. Стихи публиковались в областной, краевой и центральной печати. Стихи Федора Вострикова очень лиричны и напевны, потому и многие из них композиторами положены на музыку. Поэт всегда остается верен главным традициям русской поэзии—ее простоте и высокой человечности. Обостренная любовь к природе, земле, Отечеству, осмысление

глубинных связей современности с историей Родины — основные темы его творчества. В разные годы выходили в свет поэтические книги: «Отцовское поле», «Теплые росы», «Холода», «Полынный ветер», «Проталинки», «В избе крестьянской», «Несравненная женщина, здравствуй»... О творчестве Федора Вострикова с положительными рецензиями выступали в печати собраты по перу, писатели: В. Радкевич и Н. Вагнер, А. Домнин и А. Решетов, М. Смородинов, В. Богомолов и В. Телегина. В своей одиннадцатой по счету поэтической книге «И древняя, и будущая Русь» поэт впервые представлен как переводчик с азербайджанского.

* * *

Мы все крестьянской плоти,
Мы все крестьянской крови.
И в нас века колотят
И древности, и нови
С кустистою ветлою,
С богатыми хлебами.
Живучи мы землю —
Земля живуча нами!

РУСЬ

В огне селенья и соборы
И Китеж-град, и стольный град.
Горят славянские просторы,
Окутал землю сущий ад.
Щербатый месяц в жуткой стыни,
Как лист над пропастью дрожит.
В лесные дебри и пустыни
От стрел татарских люд бежит.
Красна вода в реках великих
И солоней морей от слез.
Славянок плачущие лики
Бледней израненных берез.
Донской и Сергей спят в могилах.
Разбой и смута на Руси.
Земля героев не забыла —
Вдовой над ними голосит.
А время тонет в битвах жарких,
И Грозный царь почил давно.
Уснули Минин и Пожарский,
И позади Бородино.
Века летят, но слышно снова,
Как тащат русичей в полон.
Слетают ангелы Рублева
С его раздумчивых икон.

И С Т О Р И Я

История — древняя книга —
Вещает нам горькую грусть,
Татаро-монгольское иго
Терзает набегами Русь.
В крови, как в багряном тумане,
Кипела огнем круговерть.
Не плен выбирали славяне,
А битву — победа нль смерть.
Сплотились. Орду победили.
Рассеялся дым на ветрах.
Лежат в куликовской могиле
И русич хоробрый, и враг.
Но только, где русичи пали,
Воинственные мужики,
На поле из травушки встали,
Как память о них, васильки.
А там, где поганое иго,
Метушее некогда зло,
На черных, как туча, кулигах
Татарниками проросло.

К О В Ы Л Ы Е   Х О Л М Ы

По склонам холмов
Вековечный ковыль
Трясет бородой белопенной.
Здесь все уживается:
Сказка и быль,
Года, времена и мгновенья.
Коснусь ковыля —
И ветра заревут,
Ветра самого Святослава!
Холмы, словно русичи, вдруг оживут,
Восстанут отвага и слава.
И в душу ворвется
Великая быль
России моей сокровенной!..
По склонам холмов
Вековечный ковыль
Трясет бородой белопенной.

НЫРОБСКИЙ УЗНИК

Сентябрь. Начало века. Ныробка.
Снега колющие секут.
Стрельцами наспех яма вырыта —
Страдальца в яму волокут.
Закован в цепи трехпудовые —
Крутой указ не заменить.
Готовы стражники суровые
Расправу спешно учинить.
Не зрили ныробцы от века,
Хоть жили — души на излом,
Чтоб молодого человека
В могилу мерзлую живьем.
Совсем не татя полупьяного,
Что порешил людей зазря,
А дядю — самого Романова,
Руси грядущего царя.
Играть во царствие негоже —
Борис хитер, кровав и зол.
Как говорят, почуял кожей —
Под ним качается престол,
А если так, то конкурентов
Души, расстреливай, трави!
В России знает каждый смертный,
Что власть извечно на крови.
Стрельцами узник сброшен в яму —
Им водкой душу не согреть.
С годами здесь крестами храму
На мир неправедный смотреть.
И богомольцы, и калики
Тянутся долго будут в храм,
Чтоб горьким ликом, тяжким ликом
Припасть к священным кандалам.

Но прежде узник в муках сгинет,
Над ним ссутулятся леса.
Господь очами глушь окинет —
И содрогнутся небеса.
До сей поры не мрет тревога,
До сей поры дрожит земля.
От ямы ныробской дорога
Ведет сквозь время до Кремля.

* * *

Иду навстречу рухнувшему грому.
Среди безбрежья вымокших полей,
Швыряет ветер тучи в темный омут,
Как стаи листьев с бледных тополей.
Стопились в кучу лилии от страха,
Поклоны бьют, качаясь, камыши.
И липнет к телу стылая рубаха,
И глас веков касается души.
Ржаной ордой накатывает люто
Седой простор — владыка страшных дум:
И молниями крестится Малюта,
И спорит с Богом вещий Аввакум.

В Е Щ А Я Р Е К А

Несет на перетруженной спине
Плоты и баржи, даль и облака.
То припадает ласково к сосне,
То мечется в полоне сквозняка.
Волной ревущей в скалы дерзко бьет —
В стенаниях заходится душа.
А в полночь ртом бездонным звезды пьет,
Сказания купавами шурша.
Поистине замрешь на берегу,
Когда в сказаньях тризна и гульба,
Когда бегут в дремучую тайгу
Из царских тюрем тать и голытьба.
Сквозь выстрелы разгневанных стрельцов
И вой свинцовых лающих дождей,
Сквозь рык зверей и дикий ор лесов
Услышишь стоны гибнущих людей.
Но вот зацвел туманами рассвет —
Перемешались годы и века.
Не досказав и не оставив след,
В тумане скрылась вещая река.

* * *

В леса одетые, в луга,
С холмами желтыми, с прудами,
С поселками и городами
Плывут за мною берега.
Плывут — седы и зелены, —
Плывут за мной, как плыли вечно.
Ах, время,
                    как ты быстротечно:
Где явь?
                    Где сказы старины?..
Река штормит —
                    и в пляске вод
Сейчас мне явятся впервые
И струги Стенькины живые,
И белый-белый теплоход.

С Т И Х И Я

Грома по жести трактором катали —
Шарахались от страха ивняки.
И молнии вселенские летали,
Разделявая небо на куски.
Рвались по швам метущиеся кроны —
Наряды подвенечные берез,
Ревели ветры зверем разъяренным
Из туч потоки выстраданных слез.
Подхваченные взвихренным теченьем,
Плетни тонули в стонущем логу.
Парящий крест на храме высоченном
Согнуло в золотистую дугу.
Когда стихия все-таки утихла,
Священник старый людям изрекал:
«Должно быть, в церковь заглянул
антихрист —
Вот потому Господь негодовал».

* * *

В дождях полощется долина,
Дырявый лес насквозь продрог.
С холмов сползает жижей глина,
Ни троп не видно, ни дорог.
Сплошное месиво до снега,
А значит — ни живой души.
Ни странник пеший, ни телега
Не оживят больной глуши.
Лишь из-за тучи коромыслом
Зависнув, серый вертолет
Седое время Густомысла
Двадцатым веком зачеркнет.

ЧЕРДЫНСКАЯ ЗИМА

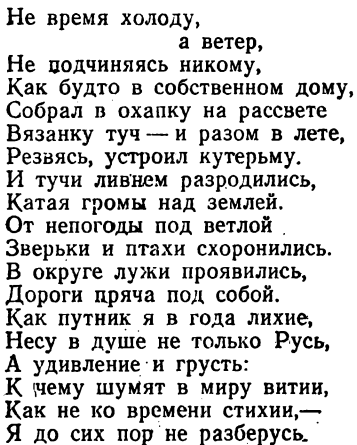
Хозяйничает в Чердыни зима,
Раскинув сегодгивые метелл.
Навьючила сугробы на дома,
Погост вспушила, высветила ели.
Крутую Колву в оборот взяла —
Пускай теперъ бунтует подо льдами.
Взбодрила колкой пылью купола
Со рвущимися к Господу крестами.
Пейзаж суровый кручею вершит,
Березами нависшими над кручей.
Веками, словно хвоей, ворошит,
Одаривая новью и дремучьем.
Из века прошлого мне слышится сквозь **мрак**,
Сквозь пропасти заснеженных туманов
Решетников и Мамин-Сибиряк,
Из наших лет Радкевич и Зырянов.
В классическом творении зимы,
Қасаясь неба выстраданным ликом,
Богатырями высятся холмы
В объятых крепких Чердыни великой.

Р И Г А

Церква, таинственные башни
Иных эпох,
иных времен.
Ограды черные, как пашни.
Дубами сад заполонен.
Петляют улочки под боком,
Неся туристскую волну.
Но вот органа вздох
глубокий
Взрывает Бахом тишину.
Из темных улочек
старинных,
Возможно, рыцарских веков,
Где гордо дух царит
былинный,
Я рвусь, как будто из оков.
Из века в век меня кидает.
Но что любовь к былым
векам,
Когда весь город
припадает
К латышским каменным
стрелкам!

БАЛТИЙСКОЕ МОРЕ

Оставляя следы на песке,
Мы идем, размышляя и споря,
И глядим на Балтийское море,
Тучи моющее вдалеке,
Вечно ведом ему непокой:
Тишину в одночасье разрушит,
Наизнанку соленую душу
Вместе вывернет с тиной морской.
Будто вешний прокатится гром,
Если вздыбятся грозные воды.
И трехпалубные теплоходы
Коробками покажутся в нем.
Спор о мелком здесь просто смешон —
Море рядом в светящихся бликах.
А на море, большом и великом,
Спорить нам и мечтать — о большом!

■   ■   ■

Над Чердынью черные тучи
Грачиною стаей снуют.
И молнии росчерком жгучим
Таежный пластают уют.
Нахохлились древние храмы,
Видавшие горе века
И помнящие Мандельштама,
Поэта-страдальца, зека.
Не выход его из барака,
А в муках — паденье и взлет.
Кричащею раной из мрака
Барачная Русь восстает.
Клокочет и стонет громами,
Рыдает угрюмой тайгой.
И дыбится в небо холмами,
И падает в бездну рекой.
Не счесть убиенного люда
От Ныроба до Колымы.
И слезные реки повсюду,
Повсюду леса и холмы.
И совесть за прошлое мучит,
И боль будоражит уют...
Над Чердынью черные тучи
Грачиною стаей снуют.

*   *   *

Редеют сады. Выцветает трава.
Готовит старуха на зиму дрова.
Топор неподъемный. Легко ли рубить?
Да некому бабке теперь подсобить.
Старик на погосте. Не стало родни.
Самой-то на свете останные дни.
Но вьюге нещадной на все наплевать —
Ей лишь бы тепло из печи выдувать!
Отдышится бабка на пне у ворот,
И снова топор злополучный берет.
Ни годы, ни силы давненько не те —
Остались они на сто первой версте.
Позвать мужиков? Да и как позовешь,
Когда пол-литровку — умри! — не найдешь..

СТО ПЕРВАЯ ВЕРСТА

Памяти Н. Н. Фомина

1

Изба крестьянская большая.
Березы жмутся к городьбе.
Свой путь по жизни завершая,
Живет старик в пустой избе.
Давно старуха на погосте —
С тех пор он, мучаясь, живет:
То к непогоде ломают кости,
То спать бывшее не дает.
Не наплывает, а лавиной
Придавит — и дышать нет сил.
Перед глазами тьма безвинных
Рассветы застит на Руси.
Кому упасть, кому подняться,
Нечеловечью боль терпеть,
В сибирских шахтах задыхаться,
В тайге архангельской дубеть.
Но вот старик, а в прошлом рыжий
Красивый парень, холостой,
И в шахтах бериевских выжил,
И не замерз в тайге крутой.
Спасала молодость, быть может,
До срока избежать креста?..
Пред ним, как милостыня божья,
Легла сто первая верста.
Хоть жил, как волк, как враг народа —
В своем Отечестве изгой.
Питался тем, что даст природа:
Грибами, ягодой, плотвой.

Не верил долгими ночами,
Что на земле российской мир,
Что тень маячит за плечами,
А не ГУЛАГский конвоир.
Но годы шли. Рождались дети,
Дай Бог бы каждому таких!
Но жил навет, как ложь, на свете
Среди людей мельзаводских:
Дружить с дочуркою и сыном
Не разрешалось никому.
Мол, детям узников и ссыльных
Одна дороженька — в тюрьму.
И поселковые ребята
Их обходили стороной.
А в чем же дети виноваты
Перед людьми, перед страной?..
Не обозлясь, служил народу.
И верил, люди все ж поймут.
Всю жизнь отдал он мельзаводу —
Не сосчитать наград за труд!..
Теперь во все края и веси
Вещает пресса день-деньской,
Кто был виновником репрессий,
Кто стал промерзшею землей..
Старик взволнованно читает,
Разворошив копну газет.
И душу горести пластают,
Туманят слезы белый свет.
Откуда злу такому взяться?—
До боли хочется уснуть
До самой сути докопаться,
Тогда и можно умереть..

II

Не дожил Никитич до весны —
В феврале заснеженном остался.
С миром зла, добра и тишины
Не хотел расстаться, а расстался.
Век терзал его с далеких пор,
Отлучал от родины надолго.
Только в снах и виделся простор,
Отчий дом да разинская Волга.
В жизни было все наоборот:
Глушь тайги. Промерзшие бараки.
Десять страшных зим из года в год
Душу рвали ярые собаки.
От сибирской стужи затяжной,
Как от смерти, никуда не деться.
На версте сто первой горевой
До конца не смог он отогреться.

III

Обмыли. Положили в гроб. А в ночь
Молитвы над усопшим пела дочь.
Огонь от свеч качался и дрожал,
В углу покойник-праведник лежал,
Видавший ложь и тысячи смертей
В кровавой преисподней лагерей.
Он редкой ночью сказывал о том,
Все оставлял на старость, на потом.
Теперь ему не надо ничего.
И сердце отболело у него.
Лежит, от века злого отделен,
Иконка божьей матери над ним.
У свежего извечного креста
Закончилась
сто первая верста.

УРОК ИСТОРИИ

Овчарки в русских лагерях
Людей, как зайцев, дерзко драли.
С тех пор покоят бедный прах
Страною брошенные дали.
Но кто учил крутых собак
Кровавить человечьем пасти?
Учил тому не пришлый враг,
А наши доблестные власти.
Таков истории урок,
Живем, в урок жестокий веря.
«Овчарка-зверь, — мне зэк изрек, —
А власть — добавил —
хуже зверя».

Мы помним полынные дали
Во времени нашем крутом.
Был Сталин. Мы культа не знали,
О культе узнаем потом.
Поэты, отринув печали,
Не важно, что будет с того,
Со сталью взახлеб рифмовали
Великое имя Его.
С Него, как с державного гимна,
Для нас начинался рассвет.
Глядел по России призывно
Его величальный портрет.
Мы, как на икону, крестились,
Иного в душе не держи.
Дожили, точней докатились;
Погрызли, как в тине, во лжи.
Страдали и горькую пили,
Чтоб душу не сковывал страх.
За правду людьми заплатили
В чужих и в своих лагерях.
Не тыщи людей — миллионы
Погибли, судьбу разделя.
Но как не оглохла от стога
Видавшая виды земля?!
Коль стоимость правды такая —
На Сталине вечно вина.
Победою не оправдает
Отечественная война.

ПРАВДА

Людей за правду жгли и вешали.
 (О, зряшный стон: «Господь, спаси!»)
 И к черту в пекло, в лапы к лешему
 Эшапом гнали по Руси.
 От юга знойного до севера,
 Где звон стоит от холодов,
 Земля могилами усеяна
 Без черных вешек, без крестов.
 Поди, узнай число замученных,
 Бесследно сгинувших вдали.
 Но вечно судьбы их горючие
 Для нас как плач,
                         как боль земли.
 Россия, кровушкой политая,
 Не задыхнулась от смертей.
 Восстала правда неубитая
 Из пепелища, из костей.
 Земля шумит хлебами,
                         рощами.
 Народ живуч. Живуча речь.
 Одна у нас забота общая:
 Чтоб правду — правдою сберечь!

Д Е Д

Денис Михайлович — мой дед.
За век познал немало бед:
Крещен японскою войной,
Контужен первой мировой.
На стыке взорванных эпох
Кормил в окопах вшей да блох.
Прошел и боль, и смерть, и страх.
Домой вернулся — грудь в крестах!
Пахал и жал, а труд любил.
Он раскулачен дважды был.
Хоть жизнь недоброю была —
Не затаил на сердце зла.
Лечился пляской под гармонию,
Частушкой знойной, как огонь.
И начинал опять с нуля.
Давала силушку земля.
Срубил избу среди степей.
И сад разбил. Поднял детей.
Когда от тяжких ран устал,
То внукам землю передал.
С тех пор промчалось много лет.
Лежит в степи мой древний дед.
Где был погост, где сад, изба —
Теперь ерошатся хлеба.
Из тьмы ромашкой, васильком,
Полынью горькой, колоском
Глядит, даруя людям свет,
Денис Михайлович — мой дед.

22 И Ю Н Я 1941 г.

В России ночь. Ни всплеска и ни гула —
Качалась тихо сонная луна.
А на рассвете мир перевернула
Размашистою молнией война,
В пожарищах деревни задыхались,
В пожарищах стонали города.
Солдаты, умирая, не сдавались,
А видели Победу сквозь года.
И верили в Победу небывало,
Отстаивая гордый Сталинград.
Не эта ль вера в битве побеждала,
Вела в бессмертье вечное солдат?!

Р О В Е С Н И К У

Тогда нас не было с тобой,
А ведь такие годы были;
Солдаты на смертельный бой,
Как на работу, уходили.
Земля в крови, земля в огне.
Как раны рваные, окопы...
В могилах братских в тишине
Солдаты спят в полях Европы.
О, Русь, ты горе, как вдова,
Душой, не старясь, выносила...
Но память до сих пор жива,
И в ней и боль твоя, и сила!

К О Л О С К И

Вдали пылало взорванное небо —
Не прекращалась смертная палба.
Как выжить нам, когда ни крошки хлеба,
А ребятишек полная изба?
Не пожелать врагу такой недоли.
К тому ж не знать: вернуться ль мужики?
И бабы шли в заснеженное поле
Искать спасительные колоски.
А вьюга запечатывала тропы —
Не высмотреть ни полюшка, ни вех.
И матери лопатили сугробы,
Как через сито, просевали снег.
И радость выпадала — находили! —
Колосья прижимали к поджакам.
Как никогда и в церкви не молились —
Дрожа, молились этим колоскам!

*   *   *

Война убила сыновей,
Убила нерожденных внуков.
Пришла и старость без детей,
А без детей не старость — мука.
Да так и жили бобыли,
Восьмидесятый год начался —
Сначала бабку отнесли,
А следом и старик собрался.
Но все же горше оттого —
И есть ли в утешенье слова! —
Что не осталось никого
В селе из рода старикова,
Чтоб принести с родных полей
Цветы живые на могилу...
Война убила сыновей —
Род землепашеский убила.

И В А

Подморозило за ночь иву.
Утром ветердохнул едва,
Как посыпалась вниз игриво
Золотая ее листва.
Только ива совсем не рада:
Где ж там радость, сквозит когда
По коленям худым прохлада,
Как навязчивая беда?
Каждый раз к ней иду,
и снова
Ива кажется мне вдовой,
Что стоит у креста родного
С непокрытою головой.

В Д О В А

Спина, как серп, у бабы Катерины,
Хлебнула бед за век дремучий свой:
Из Курска муж, а сын из-под Берлина
Вернулись похоронками домой.
Кого угодно боль такая свалит.
Она не помнит, как пережила.
Лечили раны ей ржанные дали
Да бабки-вековухи из села.
Родных солдат, войною убиенных,
Вдова не забывала ни на миг.
Как трудно было Родине — в три смены
И за себя трудилась, и за них.
Когда луна калитку припорошит,
Выплакивала горюшко ветле.
И незаметно, как под тяжелой ношей,
Все гнулась,
гнулась к матушке-земле.
Во сне себя красавицей видала,
А рядом парень — вороха кудрей!
О, как она мучительно страдала,
Старухой просыпаясь на заре.
Смахнув слезу рукою крючковой,
В корыто снова пичкала белье..
А со стены, не старясь, два солдата
Смотрели виновато на нее.

В ВЕЧНОМ КАРАУЛЕ

Его схватили у деревни Клин.
И грянул выстрел в суходоле.
Упал солдат в российскую полынь,
В глазах навек застыло поле.
Но чтоб в пожарах не пылал рассвет,
И не свистели злые пули,
Он встал в гранит, спустя десятки лет,
Над миром в вечном карауле.

Ш И Н Е Л Ь

Когда куражилась метель
И осень листья обрывала,
Подруга верная — шинель
Солдата согревала.
Когда над миром поползли
Чернее свежих пашен тучи,
Собой закрыла пол-земли
От свастики паучьей...

В Е С Н А, 1945-й

Прошедшие пожарища и беды
Израненной, истерзанной земли,
Бойца ведут к своей большой Победе —
Уже салюты видятся вдали.
Уже сирень невестится в долине
И грач из лужи мирно воду пьет.
Русланова в поверженном Берлине
Про «Валенки» российские поет!

РУССКИЙ СОЛДАТ

Шагал вперед солдат во имя мира,
Не кланяясь фашистскому кресту.
Когда в бою не стало командира,
Он поднял взвод — и взяли высоту.
За ним, как тень, по свету смерть бродила:
Ползла за Одер, корчилась в дыму...
Его ждала славянка и любила —
До смерти ль было, смертному, ему?!
Солдат в бою солдатом оставался.
Но прежде чем вернуться в отчий дом,
В империи Германской расписался
Российским историческим штыком.

В О И Н

А. Ф. Никонову

Хлебороб. Тракторист. А потом
Налетела фашистская свора.
Ты покинул родительский дом,
Ты покинул степные просторы.
Став танкистом, с бригадой своей
Был немедля направлен под Ковель,
Где кипели под стон батарей
Реки нашей и вражеской крови.
Сквозь лесисто-болотистый ад
Днем и ночью ходили в атаку.
И теряли друзей, и теряли солдат,
Но и все ж приближались к рейхстагу.
До рейхстага и госпиталь был,
Висла, Одер, полон Магдебурга.
Ветер выл посредине могил,
Грызла душу чужая округа.
Не увидеть родных, не обнять.
Но в глубинке полевой России
Тетя Нюра, страдальца-мать
Отмолила у смерти сына.
В край степной, где родился и рос,
По Господнему чудо-веленью
Возвратился. Победу принес.
И припал к материнским коленям
Хлебороб, тракторист и танкист,
Путь прошедший тернистый и длинный...
Ветер трогал березовый лист.
Степь дышала дремучей полейю.

Т Е Т Я   Н Ю Р А

Памяти А. М. Никоновой

Внезапно сердце боль пронзила —
Родная тетя умерла.
Но где же взять на свете силы,
Чтоб прокричать о ней: была!
Ах, тетя Нюра, тетя Нюра,
Добрейший в мире человек,
Ты столько горюшка хлебнула
За свой крутой и страшный век!
Отца и матери лишилась
Почти что с юношеских пор,
А из детдома взять решилась
Вихрастых братьев и сестер.
Хлопот не счесть. В избе ни крошки.
Сжигал равнины суховей.
С тобою рос твой брат Сережка,
Отец мой будущий — Сергей.
И если верить в чудодейство —
Оно свершилось, дай Бог!
Поднялось бедное семейство
Сквозь боль и тысячи тревог.
Казалось, радости не втуне —
Своих детишек родила.
Но в сорок первый год, в июне
Война покой оборвала.
Сплошную раной поле стало —
Косил хлеба и зной, и град.
Над похоронкою рыдала —
Погиб твой Федя, младший брат.
Зависла ночь темнее пашен,
Пока не грянула весна.
И, как награду, сына Сашу

Живым оставила война.
Вернулся он из-под Берлина,
Как завершил победный бой.
О, сколько ноченок полынных
Калякал, милая, с тобой!
А годы радужно и хмуро
Несли добро и боль потерь.
Ты не узнаешь, тетя Нюра,
Что подполковник сын теперь,
Что на земле живут и внуки,
Живут и правнуки давно.
Я за твои святые муки
Пью поминальное вино.
Спокойно спи в степи широкой.
Не позабуду до конца,
Что для меня ты в год жестокий
Уберегла от бед отца.

Я П Р И Е Д У

А. Ф. Никомову

Я приеду, двоюродный брат,
В Нижний твой, на великую Волгу.
Заявлюсь к сентябрю в аккурат —
Мы с тобою не виделись долго.
Ах, обнимемся, черт нас дерит!
Подтверждая объятья мадерой,
Просидим за столом до зари,
Натолкуемся вдоволь, без меры.
Пред очами восстанут отцы,
Молодецки по росной дороге
Уводящие в степь под уздцы
Светлогривых коней тонконогих.
Только сгнули предки вдали:
Кто в тюрьме, кто в бою, кто на пашне,
Во сырую землю легли
От врагов чуждадных и наших.
Было так. Повторяется вновь.
На людей насылают напасти.
О, Господь, сохрани нам любовь,
Сбереги от неправедной власти!
Путь России от века не прост.
Пусть историки спорят и ропщут...
Мы же в полдень пойдем на погост
К Вере Павловне, в «Марьину Рошу».
Поскорбим, постоим у оград —
Нам печалью откликнется Волга...
Я приеду, двоюродный брат,
Мы с тобою не виделись долго

РАССКАЖИ МНЕ, БРАТ

А. Ф. Н.

Расскажи мне, двоюродный брат,
Командир. незабвенной бригады,
Как попал ты под огненный град,
Где вручали за подвиг награды?
Понимаю, что трудно порой
Сквозь года ворошить болевое.
Значит, снова с погибшими в строй —
И в атаку, как русич, как воин!
Снова заживо в танке гореть,
Лечь костями за Орел и Варшаву.
Смерть, как врага, напрочь презреть,
Мстить ему за родную державу.
Снова добрых друзей хоронить
В полоненной стране чуждедалней.
Ах, не надо о том говорить —
Нету долюшки многострадальной.
Что живой ты, я счастлив и рад!
Так отринем стенанья и беды.
Молча выпьем, двоюродный брат,
За великую нашу Победу!

УШЕЛ СОЛДАТ

Памяти О. К. Селянкина

Ушел еще один солдат войны Великой.
Припала женщина к нему прискорбным
  ликом.
Слова, как стон. А стон пронзительней метели.
По-христиански в церкви праведно отпели.
Израненный войной, добытый жизнью дикой,
Ушел еще один солдат войны Великой.
Ушел, чтоб рассказать родным однополчанам
Как плачет Родина-страдалица ночами.
Не мог он жить, когда сдавили землю беды,
Когда развенчано величие Победы...

У О Б Е Л И С К А

Лениво падают на землю листья.

Мелодия знакомая слышна.

Стою один в саду

у обелиска,

Читаю молча павших имена.

Они — живые, миру, солнцу рады,

Стоят в строю...

Звезда огнем горит.

И кажется: военные баллады

Вполголоса мне каждый говорит.

Я слышу их и вижу молодыми:

Рубашки настежь, волнами — чубы...

И в дрожь кидает, будто сердце стынет.

Земля встает от взрывов на дыбы.

Не дождалась с войны старушка сына,

Не в каждый дом вернулся дед, отец —

О, сколько спит героев по России! —

Дрожит земля от стука их сердец.

* * *

Тюнину Н. В.

Больные спят. В палате ночь, —
Казалось, ей покой лишь ведом.
Но как удар — не превозмочь! —
Сердечный приступ у соседа.
И валидол, и кислород
Без дрожи тело принимало.
Бывалый фронтовой пилот
Едва дышал. Давленье пало...
Его в тиски брала судьба,
Родных по свету разбросала.
Усвоил с детства: жизнь — борьба,
И у борьбы свое начало.
Мальчонкой Русь исколесил.
И по каким детдомам не был!
На боль и труд хватило сил.
Пред ним открыло бездну небо.
Взмывал, пластая небеса,
И видел сопки в дымке талой,
Урал, сибирские леса.
А сколько видеть предстояло!
Война. Свинцовый смерч завыл.
Земля пропахла кровью, гарью.
Был ранен и контужен был
В суровом небе Заполярья.
Друзей терял в пурге слепой...
Держись, пилот! Ведь хватит силы.
Как на войне, со смертью бой
Под утро выиграл Васильич.
Превозмогая боль свою,
Сказал, сощурившись от света:
«Простите за вину мою,
Что спать не дал вам до рассвета»...

Памяти В. Г. Киселева

«На легкий труд!» Излишне спорить.
С врачом — короткий разговор.
Слова воспринял он, как горе,
Как самый тяжкий приговор.
Он знал, он чувствовал, он слышал,
Что с сердцем шулки-то плохи.
Но на работу вскоре вышел,
Сидеть без дела не с руки.
Еще мальцом усвоил это,
Когда войны катился гром.
И похоронки, как наветы,
Летели чуть не в каждый дом.
Когда бооой, полуголодный
Держался из последних сил,
Но в день погожий и холодный
С косцами вровень рожь косил...
На легкий труд? Кружить по дому? —
Не знал он легкого труда.
Поехал в степь метать солому,
Как в те военные года.
Копну, шутя; воздел на вилы,
И ввысь поднял над головой.
Но сердце вдруг остановилось —
Застыл в глазах простор степной.
В календаре застыла дата.
А он упал на степь свою,
Упал, как падали солдаты
Непобежденные в бою...

С. И. Горюнову

Вот видишь, мой друг, и дожили
До всплеска ручья, до тепла.
И птицы опять закружили,
И выткала листья ветла.
Хлебами запахло от пашен —
Крестьянин извечно в строю.
Отечество славное наше
Встречает Победу свою.
На Волге, на Клязьме, на Каме —
Повсюду знамена цветут.
И пахарь, и маршал с венками
К военным погостам идут.
А значит, и стрелы, и латы
Забуть мы вовек не могли.
Платили высокою платой
За боль и страданья земли.
За дедами шли, за отцами.
Их путь — как потомкам наказ!
А силы в борьбе с подлецами
Хватило и хватит у нас!

*   *   *

По колено в крапиве осины,
И кустарник по пояс в цветах.
Дол оплетен ежевикой синей
И озвучен капеллами птах.
К долу хлеб подступает вплотную —
Дух захватывает от равнин!
Гордо глядя на землю родную,
Удивлялся века славянин.
Жал, пахал русовласый оратай.
Если враг у границы вставал —
Одевал, как Добрынюшка, латы,
Богатырский шелом одевал.
За ромашку,
   за хлебное поле
Умирал, воскресал,
   восставал!
О, Россия, — надежда и воля! —
Битым враг извечно бывал...
Мы под небом твоим васильковым
На земле по-хозяйски стоим.
Мы гордимся твоим — Куликовым,
И горды — Байконуром твоим!

* * *

Нас войны гнули и коробили,
Съедали заживо дымы.
Судьба пытала нас Чернобылем,
Из пепла поднимались мы.
Справляя тризны, павших помнили.
Растили добрых сыновей.
И закрома России полнили
Хлебами — золотом полей.
Мы землепашцы и рабочие
За мир и труд стеной стоим,
Чтоб никогда равнины отчие
Не поглотил смертельный дым.
Не запугать мое Отечество.
Мы доказали — и не раз.
Не потому ли Человечество
Глядит с надеждою на нас?!

* * *

Мне снилась страшная война:
Дома огнем сметала,
Рвалась на части тишина —
Войне, казалось, мало.
Солдаты падали вокруг
Среди родного крова.
Не разобрать: где враг, где друг —
Кипели реки крови.
К чему бы сон такой

войны

Не знавшему от веку?
Мне говорят: такие сны
К родному человеку.
Не из заболжья ли должна
Ко мне родня явиться?
Мне снится пусть и впредь война,
Да только к миру снится!

ПОГРАНИЧНЫЙ ПОСЕЛОК

Хоромы багульника, елок —
Пристанище диких ветров.
Меж сопок ютится поселок
В пятнадцать, не боле, дворов.
Когда завертят снеговей,
Когда затрещат холода,
На несколько суток позднее
Приходят газеты сюда.
Но крохотный этот поселок
Обычною жизнью живет:
Ложится — под шорохи елок,
Зарей с петухами встает.
Здесь люди и сеют, и пашут,
И любят свой добрый уют.
А песни народные наши
Послушаешь —
                                ох, как поют!
Но помнят они постоянно —
Куда бы пути ни вели —
Багульник,
                                холмы и поляны —
Начало российской земли.

ФАТЬЯНОВСКИЕ ПЕСНИ

На гулянье, в походе, на тризне
Русь Фатьянова песни поет.
Он, когда-то ушедший из жизни,
Как Есенин, в народе живет.
С детства выпеснил душу поэта
Вязниковский родной соловей.
Столько нежности, силы и света
В доверительной лире своей!
В ней простор и цветущие вишни,
И солдатская чарка, и дом.
Мы из песни фатьяновской вышли
И с фатьяновской песней уйдем.
Но потомки подхватят сначала
Освежающий душу мотив,
Будут петь от морского причала
До степных колосющихся нив.
Не забыть ни вонтелей павших,
Ни крестящихся молний в ночи,
Ни горящие рощи и пашни,
Ни огарочек русской свечи.
Не коснется по градам и весям
Звонкой лиры худая молва.
Если живы Фатьянова песни —
Значит, будет Россия жива!

Р О Д И Н Е

А время то, перед глазами,
Как степь в пучине грозовой.
На медкомиссии сказали:
«Не годен, парень, к строевой».
Не знаю в чем, но виноватым
Себя я чувствовал в пути.
За то, что не был я солдатом,
Меня ты, Родина, прости.
Я эту боль землей родною,
Работой тяжкою лечил.
В лицо дышало солнце зноем,
Как хлеб, что только из печи.
Походкой твердою, не шаткой,
Я мерил пашни и луга.
И новой строчкой, новой жатвой
Тебе, родная, присягал.

•   •   •

Не согнемся ни в зное, ни в стуже.
Одолеем и страх, и беду.
И войну, и тюрьму передюжим,
Передюжим и ложь, и нужду.
Но попробуй до горькой могилы
Нас мгновенно лишить на веку
Отчей Родины гордой, но милой —
Пропадем ни за нюх табаку!

*   *   *

По утрам так и тянет в тайгу —
Ничего мне с собой не поделать.
Видно, жить без тайги не могу.
Видно, в городе мне надоело.
Оттого из насиженных мест
Улетаю и прошлое рушу.
Снова ели да сосны окрест
Древним гулом врываются в душу.
Будто после орды: предо мной
Ветровалов тасежных проделки.
Глушь кричит неживой тишиной,
Задохнулись и дятлы, и белки —
Омертвела тайга. Деревя,
Растопырив трухлявые корни,
Как на жизнь потерявши права,
Отдаются болотам покорно.
И кладбище деревьев св. меня
Несказанно взволнует, встревожит.
На исходе весеннего дня
Вдруг захочется жизнь подытожить.

Пока, ребята! Улетаю
В Ханты-Мансийск,
сибирский край.

К поездке радость я питаю,
Хотя известно, — там не рай.
Бывают вьюги-забияки —
Закрутят и среди весны.
На летном поле

дремлют «ЯКи»,
Ждут по неделе тишины.
А пассажиры в рестораны
Ныряют в день по многу раз.
Катастрофически в карманах
Худеет денежный запас.
И ты слоняешься по залу,
И негодуя, и скорбя.
И на пол валишься устало,
Газеты кинув под себя.
Задремлешь, нет ли...

Все же прежде
Забыв про старую Тюмень,
В душе затеплится надежда
На голубой грядущий день.
А как не веровать в удачу,
Когда в мечтах и мыслях — там!
Спешишь не за город на дачу,
А к трудовым сибирякам.
И вопреки любым ненастьям,
Не разуверясь, рваться к ним.
Почувствовать, — какое счастье! —
Что ты для них необходим.

ХАНТЫ - МАНСИЙСК

Село Самарово на Иртыше,
В нем ямщики когда-то поселились.
Им эти земли были по душе —
Ловили рыбу, вялили, солили.
Е глухих горах, заросших кедрачом,
В удачи предстоящие поверя,
Без страха с ружьями

плечо в плечо

Охотились тасжники на зверя.
Не возвращались многие в село —
Со зверем бой всегда на грани риска.
Самарово в историю вросло
Началом города Ханты-Мансийска.
От пермских,

вологодских ямщиков,

Прошедших сквозь тяжбу переселенья,
Из тех глубин безрадостных веков
Идет за поколеньем поколенья.
Земля мансийская,

поклон прими!

И ты, Иртыш, прими поклон
от Камы.

Я к вам пришел

из города Перми,

Мне ваши предки

были земляками.

У Р А Й

Меж сосен река, извиваясь,
С названием странным — Конда.
В Иртыш по таежному краю
Спешит, по-сибирски горда.
А гордость ее понимает,
Едва ли забудет вовек
В потертой спецовке ураец,
Влюбленный в Сибирь человек.
Он помнит июньскую дату,
Когда у бурлящей реки
Кидались друг другу в объятья
Счастливые буровики.
А нефть невозможным фонтаном —
Ах, радость, навеки продлись! —
Свистяще.

упруго и рьяно
Хлестала из скважины ввысь.
И долго над синим раздольем
Кричали ребята:
— Пошла!..
Та нефть им и хлебом, и солью,
И чем-то великим была.
Река клекотала, вздымалась,
По Родине новость неся.
Уральская нефть начиналась —
И город Урай начался.

Н Я Г А Н Ь

Пока поселок. Город будет.
Округа в вышках нефтяных.
Со всей России едут люди
Сюда. Не обойтись без них.
С жильем пока что плоховато —
Не сразу строится и дом,
А тут ведь город. И ребята
Опьянены своим трудом.
В ручищах дьявольская хватка.
В движеньях — молодость сама.
Вокруг вагончики, палатки
Переплавливаются в дома.
Работа любит человека,
А человек ее — вдвойне.
И лес плывет на стройки века,
И нефть клокочет по стране.
Все дальше пятятся болота
Под крик веселых голосов.
Все дальше, дальше вертолеты
Людей уносят в глубь лесов.
От ветровалов стонут елки.
И рвутся тучи над тайгой.
Не нынче-завтра из поселка
Восстанет город молодой.
Как назовут его ребята:
Таежный,

Нягань,

Снежнеград?

А может попросту — Богатый,
Ведь край, действительно, богат!

Как назовут, не столь уж важно,
Важней скорей вершить дела,
Чтоб город рос многоэтажный
И свадьбам не было числа!

ТАЕЖНЫЕ РЕБЯТА

Не думал, не гадал,
Что май в Сибири встречу,
Где все мороз удал,
И снегом лес просвечен.
Где реки в толще льда,
Простор ветрами болен.
Приехал я сюда
Совсем по доброй воле,
Увидеть, как живут
В краю, тайгой богатом.
Какой свершают труд
Таежные ребята.
Я с ними ел и спал,
Шагал с пилой меж просек.
Я им стихи читал
Под шум громадных сосен.
Про их сибирский край,
Болотистый, суровый.
«Давай еще читай!..»
И я читал им снова.
Улыбки горячи
На лицах расцветали.
И в такт бородачи
Участливо кивали.
Как водится, потом
Вопросы задавали:
«Скажи, а все за что
В Сибирь под май послали?»
А ветер слез хлестал
Малыной придорожной.
И долго хохотал
Лихой народ таежный.

Всем было от души —
До юмора,
до смеха.
Не хоронясь в глуши,
Металось в соснах эхо.
Катилось далеко,
Соревновалось с ними.
Мне было так легко
С ребятами такими!

ТАЙГА

От столиц и дорог вдалеке
Заскучала тайга по теплу.
Потеснясь, отступила к реке,
Предоставила место селу.
Шелестела над каждой избой.
И нужду, и кручину поправ,
Одаряла живою водой,
Хлебным колосом, выплеском трав.
Ты от смерти спасла мужика,
Из Москвы ожидая вестей,
Не забудется через века,
Как ютила блокадных детей.
Презирая горючую весть,
Осеньяла избушки крестом.
Боль и раны, которых не счесть,
Врачевала брусничным листом..
Принимай благодарность, тайга,
За добро материнской души.
Мы пришли не на год — на века
Из твоей родниковой глуши.
Виновата не только война,
Не нужда, не указов размах.
Разве в этом не наша вина,
Что редеешь у нас на глазах?
Каждый год, каждый день, каждый час
Все слышнее удар топора.
Неужели со временем в нас
Не осталось частицы добра?!
Неужели творителей зла
Не столкнем, как бывало, с пути?..
Нас тайга, ты от горя спасла —
Нам сберечь бы тебя и спасти!

Б Е Р Е З О В Ы Й   О В Р А Г

Виктору Маликову

Степь. Ковыль. Березовый овраг,
Тайнами дремучими завешан,
Где презрев неверие и страх,
Под шумы лесов и вешних вод
Детство незабвенное живет
В колдунах, в разбойниках и в леших.
Ах, дружище, тайны разгадай,
В детство окунись через полвека,
Перепивший ада через край,
И друзей терявший, и родных
На полях молдавских горевых
За добро и счастье человека?..
Выпив чарку дерзкого вина,
Ведал друг о времени вчерашнем.
Как цвела здесь вишнею весна,
Серебристым тополем, ветлой.
И отец, склонившись над землей,
Зачинал спасительные пашни.
Был и урожай, и недород.
Лихоletья нахлебались вволю.
Если не спасал нас огород,
То овраг Березовый родной
Одарял нас ягодой лесной,
Чтобы забывали мы недолю.
Но туда одни мы ни ногой —
В мертвом озере, на дне оврага
Нечисть хороводила гурьбой:
Лешие, русалки всех мастей.
Нашёптали бабки нам страстей,
Мол, колдун под каждою корягой.

Речкою бурлили времена
Сквозь разруху, радость и печали.
Батьку съела подлая война.
Пережили боль, нужду и страх.
Повзрослев, ходили мы в овраг,
Да нечистой силы не встречали.
Лишь потом на жизненном пути
Нас она, развенчивая, била.
Друг десбавил: «Господи, прости,
Жизнь и так на родине горька,
Но какая ж мерзкая рука
Серебристый тополь порубила?..»

Памяти дяди Федя

Родился я в степном заволжье,
Когда войной гремел февраль,
С дорогой путал бездорожье,
Сугробя взорванную даль.
А я лежал пока в больнице,
Совсем не ведая о том,
Что похоронка черной птицей
Уже влетела в отчий дом.
Погиб на фронте дядя Федя,
Погиб любимый брат отца.
Друзья, родные и соседи
Стояли, плача, у крыльца.
Отца кружило и качало,
Как в бурю тополь у воды.
На пятый день, как мать вещала,
Чуть-чуть оттаял от беды.
На Рысаке примчал за нами —
Печаль и радость были в нем.
В дороге тихо молвил маме:
«А сына Федькой назовем».
Ни слова против меж родными —
Родня одобрила отца.
Осталось мне святое имя.
Нести по жизни до конца.
Расти не вялым, не беспечным,
А настоящим мужиком!
И стать со временем, конечно,
Как дядя Федя, моряком.
Как дядя Федя, на баяне
Припевки русские играть.

Самозабвенно постоянно
Любить Отечество и мать.
И понеслись по белу свету
За феврялями феврали.
Отец и мать неспешно в Лету,
Не довершив дела, ушли.
Страна отметила Победе
Полвека весен. Я уже
Намного старше дяди Федя,
И жизнь на крайнем рубеже.
Но — видит Бог! — не предал память,
Не очернил, не запятнал,
Хотя живу теперь на Каме,
Но моряком — увь! — не стал.
Зато могу я на баяне
Припевки русские играть.
Люблю, как древние славяне,
Свободу, Родину и мать.
И все же горше с каждым годом
В своей стране среди чужих.
Короткий век, где сплошь невзгоды,
Жить и работать за двоих.
Прости, мой дядя незабвенный,
Порою душу точит грусть.
Но подвиг твой святой и верный:
Еще в веках восславит Русь!

★   ★   ★

От Енисея и до Камы
Стоят — куда бы ты ни зрил —
Полуразваленные храмы,
Как птицы белые без крыл.
Ни стога горького, ни звона —
На немоту обречены.
Над ними, словно хвост вороны,
Простерты длани Сатаны.
А мы помочь почти не в силе —
Теперь живем едва дыша.
У кровной матушки-России
В рубцах и ссадинах душа.

РАКОВКА

Мусор. Ямы. Печная зола.
В окруженьи крапивы деревья.
Здесь деревня когда-то была,
Называлась Раковкой деревня.
В ней бывать приходилось не раз.
Люди жили, не жалуясь, вольно.
А теперь — никого.
День над степью угас.
И смотреть на развалины больно.
Не сидят у пруда рыбаки —
От безлюдья и пруд засыхает.
Бессловесно трубят сквозняки,
Долго реквием не утихаёт.
Разве стихнет внезапно, когда
Одинокий погост на просторе?
Скоро вздернут метель холода —
Заштормит густоснежное море.
И провалятся в тар-тарары
Глухомани, равнины, эпохи.
Задохнутся в стихии миры
На последнем святом полувздохе...
Осуждать мы не вправе людей,
Раз уехали — были причины.
Но деревню в середине степей
Будут помнить до самой кончины.

Щербатый забор с подпоркою,
Белье на заборе сушится.
Поселок до срока рушится,
Старик попивает горькую.
Не вспахано поле, брошено.
Промолвил старик: «Вот так-то вот!»
Ни пахаря нет, ни трактора.
Не жди от властей хорошего». .
И только сирень невестится,
Да некому душу радовать.
Погост, где лежат оратаи,
Старуха, как в церкви, крестится.
А просьба одна старушечья:
Дай Бог умереть, не маяться.
Не видеть, как люд спивается,
Как отчий поселок рушится.

Ни почты, ни лавчонки,
Медпункта тоже нет.
Ютятся вдоль речонки
Пят-семь старух и дед.
На грядках копошатся,
Толкуют перед сном,
С молитвой спать ложатся,
А думы об одном:
Не то, что нету газа,
Что нечем крышу крыть:
А вдруг умрем все разом,
И некому зарыть?
И так живут в тревогах —
Иного не дано.
Живут забыты Богом
И Русью заодно.

На погост снесли старушку —
Пригорюнилась ветла.
Скособочилась избушка,
К ней тропинка заросла.
Кто уехал мыкать счастье,
Ну, а к счастью — путь не прост,
Кто и в ведро, и в ненастье,
Как старушка, на погост.
Занавесили деревья
Опустевшие дворы.
Крест поставлен на деревне,
Под названием Бугры.
Ни людей вокруг. Ни хлеба —
Даль рыжеет лебедой,
И кричит колодец в небо
Омертвевшею водой.

* * *

Мне смотреть мучительно и больно
На пустые избы и дворы,
Где когда-то весело и вольно
Затевались игры детворы.
Праздником заканчивались жатвы,
Пели и плясали под гармонь.
Но куда, в какую даль державы
Все ушло, как буря в угомон?
И дымы над крышей откачались
Вспенным сиреневым кустом...
Крохотная яблонька, печалась,
Медленно дичает под крестом.

МАРИНИН САД

Валентине и Виктору Маликовым

I

Где стояла изба родная,—
Только впадины да бугры.
Сад Маринин, года листая,
В степи смотрит из-под горы.
Он теперь никому не нужен:
Постарел, одичал, не мил.
А бывало с тепла до стужи
Не избу, а село кормил!
Груши, яблони без умолку
Пораскачивали плетни.
Отступали от нас надолго
Горе-голода злые дни.
Мужики, уходя на битву
Далеко от родной земли,
Завещали святой молитвой,
Чтобы сад уберечь смогли.
В избы вести летели с фронта
Самых черных ночей черней.
От погоста до горизонта
Жарил полюшко сухостей.
Ладно жили, а чаще худо.
Неразумная власть пришла —
Потянулись в райцентры люди
От родительского угла.
Предки нас не простят вовеки,
Что живем от земли вдали.
Гибнут села и сохнут реки,
Сад-спаситель не сберегли.

II

В забвеньи годы. Вымер дом.
И в память выпито вино.
И пруд в степи затянут льдом,
И стежки вымерзли давно.
Осиротел Маринин сад.
Поселков нет — одни кресты.
Но рвусь, как проклятый назад
Из бездыханной темноты.
А тучи тушью застыт свет.
И не понять, и не избыть,
Что невозможно прошлых лет
Душой холодной растопить.

РУССКИЙ ЧЕЛОВЕК

Ах, бедный русский человек,
За что ж тебя так невзлюбили?
И без того твой краткий век
Как песий хвост укоротили.
Ты потерял и род, и дом,
Как колокольчик под дугою.
И стал в Отечестве родном
Не земледельцем, а изгоем.
Твоя земля, но не твоя —
Землей владеют толстосумы.
Трубит эфир во все края,
Что ты живешь, но как бы умер.
От слов таких скорбит строка.
Я мысли горькие не рушу:
Не распродали б с молотка
Твою растерзанную душу!

Л Е Б Е Д А

Мы в детстве жили в горе и в нужде,
Росли на жмыхе и на лебеде.
И мать всегда гутарила о том,
Что даст Господь нам хлебушка потом.
Когда потом? — нас мучило и жгло.
А зимы все бурашили село.
Взрывали весны речку под ветлой.
Лета кричали бедною страдой.
За братом брат, кто в зной, кто в холода.
Как птицы улетели из гнезда.
Не стало мамы. Сами уж отцы.
У сыновей проклюнулись усы.
А жизнь, как встарь, уныла и пуста.
Как брошенная церковь без креста.
Пытает сын: «Скажи, а почему?»
Ну что в ответ поведаю ему,
Когда с протянутой рукою Русь,
А почему — и сам не разберусь.
От имени истерзанных людей
Спросить бы наших пламенных вождей:
«Да как же вы, не жившие в нужде,
Вернули нас обратно к лебеде?!»

◆   ◆   ◆

Вспахали высокую гору,
Срубили ветлу под горой.
Реку полоснули по горлу —
Река обернулась землей.
Впечатали в знойную сушу
Озера, леса, камыши.
Убили и землю, и душу...
А как же теперь без души?..

От распрей диких, от нужды,
От злобы, чем богат наш век,
Устал до боли человек,
Да не видать конца беды.
В лесу оттаять бы душой,
Но леса нет — одна труха..
Воды б живой — но родника
Не сыщешь в дождь, тем боле в зной..
Вдохнуть бы ветер — дым сплошной,
Простор черней самих ворон.
Как древний дед, согнулся клен
Над мертвой речкою степной...

Лес порублен.
Вытравлены дали.
Обернулась реченька землей.
Пашнею погост окольцевали,
Как лохматой черною петлей.
Нету ни уюта, ни покоя.
Нету ни былинки у села.
Как же сердцу выдержать такое?
Хорошо, что мать не дожила.

•   •   •

Ни песен русских дедовских времен,
Ни добрых слов, ни россыпи улыбок —
Забылось разом, провалилось в сон.
Мы встали под трехцветие знамен:
То митингуем, то молчим, как рыбы.
Лжецам кивая в такт из года в год,
Из нищеты не можем в рост подняться.
Как жутко плыть, когда потерян брод!
Как страшно жить, когда не стал народ
Ни песни петь, ни весело смеяться!

Х Л Е Б

Кружит август птицей в небе.
В поле страдная пора.
Снова думушка о хлебе
И глубинна, и остра.
Хлеб легко не доставался
Нам в любые времена.
Лютый голод в дом врывался,
Землю дыбила война.
На коровушках пахали,
Люд от бед и горя слеп.
Но и все же выживали,
Хоть дороже злата хлеб.
Душу верою лечили
И в пургу, и в дождь, и в зной.
Как нас прадеды учили:
За Отечество — стеной!
А теперь любовь и веру
Развенчали ни за грош.
И трубит эфир без меры
Фальшь, бессовестность и ложь.
Ни Отечества, ни хлеба —
Правят недруги землей.
Нам осталось только небо
Над больною головой.
И кричит в полях оратай:
«Как спасти свою страну,
Если Русь у «демократов»
Столько лет уже в плену?!»

Сума пуста. И дом пустой,
Хотя давно уже не молод,
А нашей русской нищетой,
Как злой неправдой, перемолот.
Вещала мать: «Добро твори!»
И я творил. И люди знали.
Но, как рябину снегири,
Мне власти душу расклевали.
Святым я не был ниюгда,
И грешником, пожалуй, тоже.
За что ж судьба меня тогда
В ночи, как кость собака, гложет?
Ведь я и боль с людьми делю,
Работу честную присмлю.
Еще пронзительней люблю
Кремлем поруганную землю.

Облака лохматят желтый крест,
Купола подкрасив сединою.
Люди к храму тянутся окрест .
Со своей бедою и виною.
Пожалей, Господь, их, пожалей,
Огради от крови и обмана.
Не бывало жизни тяжелей
Со времен, пожалуй, Чингисхана.
Дьявол оккупировал престол,
Землю обезродил сквозняками.
И народ, страдая, нищ и гол
По России бродит с узелками.
От властей никто уже не ждет
Никакой спасительной депеши.
Что же будет с людом через год,
Если в храме душу не утешит?!

На Родине снова тревожно —
Могилами прет от земли.
И правды добыть невозможно,
И пули жужжат, как шмели.
В смятении добрые люди:
Поймет ли, поможет ли Бог?
Пока мы гадаем и судим
Среди горемычных дорог,
А всюду по градам и весям
Мордуют наш русский уют.
И «Темные ночи» Бернеса
Над Родиной в рост встают!

*   *   *

Ну что же это делается, люди?
Как сотворить такое вы смогли,
Что в нашем митинговом перегуде
Все разом отвернулись от земли?
Стыдимся слов: «Россия», «Мать», «Отчизна»,
Стыдимся слов: «Российский патриот».
Дождемся, что рыдающая тризна
Обрушится на праведный народ.
А мы за честь отеческого крова
Не поднимаем даже головы.
Да где же вы; Сусанины, Рублевы,
Димитрии Донские, где же вы?!

За Родину, презревшие помон,
Ослябя с Пересветом пали наземь.
На эшафоте задохнулся Разин,
От ран скончался князь Багратион.
Панфиловцы в бессмертие ушли,
Расколот мир на добрых и недобрых.
Не счесть погибших русичей хоробрых
Во имя славной Матери-земли.
А кто ж теперь Отчизну защитит?
Кричим с трибун без веры и печали.
Историю, как девку развенчали,
За что Господь, конечно, не простит.
И проклянут на верстах вековых
Потомки нас, людей худого сорта,
Все потому, что мы не только мертвых,
Но заодно и предали живых.

* * *

Державу по живому режем,
Как булку хлеба, на куски.
Едят чужие. И все реже
Свои от века мужики.
Они едят за сказкой сказку,
Что Бог послал, как говорят.
Чужие — слопали Аляску,
Теперь Курилы норовят.
Границы рушат, кроют межи,
И водку жрут для куража.
Державу по живому режем —
И хлещет кровь из-под ножа!

Потянуло друга в поле.
Раньше я не замечал,
Чтобы он на синей воле
Солнце летнее встречал.
Чтобы слушал голос птицы,
Путал стежки в ивняке,
И сумел бы удивиться
Щуке радостной в реке...
Потянуло друга в поле
За поселки и плетни.
Друг устал от смертной боли,
Что приходит из Чечни.

Ветра кидаются лихо
Дождем, снегами, листвою.
В природе неразбериха,
Как в жизни скудной и злой.
Когда ни мира, ни хлеба —
Вражда и кровь на земле.
И даже ясное небо
В туманной гари, во мгле.
Уходят парни в солдаты,
Точней на дикий убой...
Кружатся листьями даты
Над вечной смертной тропой.

Земля моя, рыдая сквозняками,
Хоронит русочубых сыновей.
Не передать ни жестом, ни словами
Пронзительные стоны матерей.
История державы пред очами,
Заплескивая душу, предстает.
Я вижу, иссеченную мечами,
Дорогу, что ведет на эшафот.
И хлещет кровь на площади заглавной.
Убийцы тонут в блюде и вине.
Стенает Русь, как лада Ярославна,
На древнерусской каменной стене.

✿   ✿   ✿

Вымораживал душу холод,
Иссушала насквозь жара.
И косил смертоносный голод,
И кричали вдовой ветра.
Но терпели не миг, а годы.
Невозможно теперь понять,
Как смогли на Руси народы
На развалинах устоять?
Ни философ, ни модный знахарь
Не ответят на сей вопрос.
Только жилистый русский пахарь,
Что былиной в веках пророс,
Чуб ковыльный откинув,
скажет,
По-крестьянски в кулак кряхтя:
«Сила наша — полынь да пажить,
Хлеб рождается на костях.
Не столкнут нас ни боль, ни горе
И ни власть, что живет во зле.
Мы не люди, а Святогоры —
По колено стоим в земле!»

Р О Д И Н А

Довольно Родину корить,
Перемывая злые даты!
Довольно черной бранью крыть —
Ни в чем она не виновата.
Ужель не видно, что она,
Перетерпевшая страданья,
Сама хронически больна,
Сама на грани увлданья?
Не хаять надо, не учить —
Мы в этом ох как преуспели! —
Ее немедленно лечить
Не словесами, а на дела
Цари, вожди — и каждый Бог!
Но ни один не выжег боли,
Ни возвращенец-демагог,
Ее предавший в час юдоли.
А врачей-лечителей таких,
Не сосчитать перебивало.
Кто был года, кто день, кто миг —
Но легче Родине не стало,
Над ней глумились день-деньской,
Из сердца русскость вытраивали.
Десятилетье — Боже мой! —
Афганистаном убивали.
Не потому ль со стен глядят
Многострадальные листовки,
Не потому ль в стране гудят,
Как в пятом годе, забастовки?!
Народ спасет родную рсчь —
Она державы всей основа,
И нам Отечество беречь,
Беречь, как пушкинское слово!

Без России остаться —
Как с врагом побрататься.
Как на чуждой земле
Задохнуться в петле...

Я город напрочь разлюбил,
Его проспекты, тротуары,
Фонтаны тоже разлюбил,
Как в парке песни под гитары.
Любовь с годами перешла
К ржаному русскому простору,
Где в омут смотрится ветла,
И заяц лихо скачет в гору.
И с каждым днем любовь острей,
Она — не дань какой-то моде.
А чем становимся старей,
Тем ближе к матери-природе.

Говорю себе: немного потерпи,
В пропасть рухнет, как сугроб с холма, тоска
С другом повстречаемся в родной степи,
У ежовского бывшего родника.
Зачерпнем-ка подсеребряной воды,
Да под водочку ручьи́сто прозвени́м!
И ни склоки, ни хулы и ни беды —
Каждый Господом на родине храни́м.
Вспомним земляков и мертвых, и живых
Доброй песней и, как водится, стихами.
Да свершится этот выстраданный миг,
Не подшутит ко́ль судьбинушка над нами...

*   *   *

Нельзя прожить на свете без реки,
Проколотой кугой и тростниками,
Где на волне играют сквозняки
С кувшинкою, с кулавой, с облаками.
Нельзя прожить без луга и берез,
Подсвеченных ромашкой и пшеницей,
Где мужики свершают сенокос,
Дивясь, парящей в поднебесье, птицей.
Нельзя прожить без тихих тополей,
Бредущих, подбоченьясь, по равнине,
Как не прожить на свете без людей,
Ушедших вдаль и здравствующих ныне...

В П О Е З Д Е

Разрезает поезд ночь,
Ночь глубокую, чужую.
И тоску не превозмочь:
Чернопластую и злую.
Я гоню ее, гоню,
Только силы не хватает.
Что поделать, коль на дню
Раза три судьба пытается.
Плачь, беснуйся и молись —
Ничего не помогает.
Давит жизнь нуждой, а высь
Адом огненным пугает.
Потому и в ночь лечу
По степям и перелескам.
Расстояния кручу,
Как на удилице леску.
За падучею звездой,
За невидимою рожью
Распрощаюсь и с бедой,
И с начальственной ложью.
Лишь смахну с дороги прочь
Предпоследнюю межу я...
Разрезает поезд ночь,
Ночь глубокую, чужую.

НАСЛЕДСТВО

Не закрываем двери на засов —
Друзьям всегда наполненная чаша.
Страна, где жили Пушкин и Кольцов,
Где жил Есенин — Родина и наша!
От каждой их классической строки
Свободой веет, верой благодарной.
Вместилось все: от выплесков реки
До ветки с Пискаревки легендарной.

П Р О С Т О Р

Мой простор славянский снеговой
С вехами, с продрогшими лесами,
С пушкинской кибиткой удалой
И с есенинскими бубенцами.
Мой простор и с гулом тракторов,
Птиц стальных, штурмующих созвездья.
По нему под шум и свист ветров
Я ходил оратаем. И ездил.
Он вошел и в плоть мою, и в кровь
Песнями поэтов и трудами,
Мой простор — разлука и любовь,
Спаянные вечными хлебами!

*   *   *

Рыжеют и листья, и травы,
Рыжеет малиновый сад,
Рыжеют над речкой купавы,
Как много столетий назад.
И так же любили, страдали,
Считая в раздумье года.
И так же пустынные дали
Пронизывали холода.
Молились в стенанье старушки,
Да Бог никого не щадил.
По осени бодрствовал Пушкин,
Слова для стихов находил.
Цари и философы жили,
Творя и гульбу, и дела.
А листья лениво кружили —
За осенью осень брела.
Историей, как ворожеи,
Глядят и леса, и поля.
Былинное время рыжест,
Вращаясь, рыжсет земля.

Над Невою тучи отсырели,
Отсырели сосны и цветы,
Разводные невские мосты
И дворцы великого Растрелли.
В мороси ростральные колонны,
Как не раз бывало на веку.
Гулко чайки падают в реку,
Словно с трона царские короны.
Прошлый век в душе не умолкает,
Как с листвою играющий борей.
Тонкий дождик с пушкинских кудрей
В наше время медленно стекает.

ПУШКИН

Был Пушкин русскою весной,
С ее веселою капелью.
Был Пушкин русскою зимой,
С ее бунтующей метелью.
Был пиршеством и ворожбой,
Осенней грустью, всплеском лета.
Был доброй и худой судьбой,
Судьбой российского поэта.
И долгой ночью, кратким днем
Был Пушкин — русская природа.
Не зря ж в одном вместились в нем
Все времена и боли года!

В М И Х А Й Л О В С К О М

Сквозь горы сугробов и вьюжный простор
Влетела упряжка с разгона во двор.
Вздыхнул колокольчик и смолк под дугой.
Торопится Пушкин: «Кто путник ночной?»
И после изгнаний, и долгих разлук
Пред Пушкиным Пущин — единственный
друг!

Друзья закачались в объятьях крутых,
Как было в лицейских летах молодых.
И Пушкин, и Пущин в застолье одни.
Шампанское весело пили они
За Русь,

за свободу,

за шумный лицей,

За всех сокровенных далеких друзей.
Взволнованно Пущин,

глядя в полутьму,

О «Тайных Союзах» поведал ему.

Но скрыл, промолчал, — и возможно не
зря! —

Что близится день роковой декабря.

Обиделся Пушкин. Но Пущин, как мог,
Потомкам российским поэта берег.

ПИСЬМО ОТ ПУЩИНА

Письмо от Пущина прочел в тревоге.
Приехать просит закадычный друг.
Недолги сборы — лихо по дороге
Летит на тройке Пушкин в Петербург.
Декабрь пуржит, сугробы наметая.
Ивняк дрожит на дерзком сквозняке.
Но вдруг наперерез метнулся заяц,
И растворился в снежном ивняке.
А следом у старинного селенья
Через дорогу поп из-под угла.
По пушкинскому тайному велению,
Как вкопанная тройка замерла.
Ах, неужели Пушкин суеверен,
И выхода единственного нет?
А может в декабристов не поверил,
Почувствовал недоброе поэт?
Забыты шутки, промахи и споры,
И до рассвета дружеский загул.
Не мешкая, решительно и скоро
В Михайловское тройку развернул.
Секут кибитку хлесткие метели —
Именно маячит на пути.
А ведь Сибирь не только от дуэли —
Могла России Пушкина спасти!

ДЕКАБРИСТ

Разоткровенничался Пущин
Перед уходом в мир иной,
Что не один был шанс упущен
Той исторической зимой.
Неразбериха на Сенатской
Поразметала всех друзей.
Взамен заветам чести братской:
Суды, Сибирь да звон цепей.
И в казематах год от года
Одна и та же дума жгла,
Что долгожданная свобода,
Не народившись, умерла.
Горячи были да спесивы.
Как много в спорах не учили!
Но декабристами в России
Сынов опальных нарекли.
А Пущин, жаль, о том не ведал,—
За годом минет долгий год —
Что всенародная победа
В столетье будущем придет.

Какое чувство овладело мною?—
Пожалуй, сам понять я не могу:
Ни днем, ни ночью
Нету мне покоя
Среди лесов на камском берегу.
А ветровей по-разински гуляет.
И смех, и гул, и песня — стороной!
И луговины спины подставляют,
Дороги уронив передо мной.
Я вижу даль.
Я вижу в тучах просинь.
Едва ли сманит дьявольский уют,
Когда в России болдинская осень,
И все дороги в Болдино зовут!

В Б О Л Д И Н Е

Летящие волны кудрей
Рассыпав кивком головы,
Поэт становился добрей —
Смеялся под всплески листвы,
Когда у большого пруда,
Людьми за проделки любим,
Веселый работник Балда
Гонял бесенят перед ним...
А время, не зная помех,
Летит. Но из века того
Доносится пушкинский смех
До нас, до потомков его.

В Е Т Л А

Над прудом сутулится ветла,
Еле держит старческую крону.
От суровой древности бела,
Ствол давно глубоким шрамом тронут.
Помнит колокольный звон церквей,
Над погостом плавающий эхом.
Помнит декабристов и царей,
И шутов, предписанных для смеха.
Что цари в истории былой,
Их сарказм, причуды и пороки?
Некогда сам Пушкин под ветлой
Отдыхал, обдумывая строки!
Здесь к нему и «Моцарт» приходил,
Грезилось о «Домике в Коломне».
Здесь воспоминания будил
Дерзкой африканской родословной.
И с тех пор живут среди листвы
«Бесы» и «Русалки и царевны...»
Словно от кудрявой головы,
Разметалась тень на полдеревни.
Кажется, лишь ветер
лист качнет,
Взворошив столетия, как снова
Птицею отправится в полет
Песенное пушкинское слово!

ЛУЧИННИК

Тучи в озере космы полощут —
Ветер, видимо, с неба сорвал.
Называют Лучинником рощу,
Так сам Пушкин когда-то назвал.
Случай давний тому был причиной,
И народ до сих пор не забыл:
В барской роще мужик на лучины
Молодую березу срубил.
Боль в мужичьих признаньях сквозила —
Темноту да бесхлебье винил.
Мужику наказание грозило —
Пушкин розги ему отменил,
Улыбнулся и, кудри взъероша,
Он сказал, что рубить не черед.
Настоящий лучинник та роща
И крестьянам на пользу пойдет.
А пока что она молодая,
И века этой роще расти.
Добрым светом от края до края
Одарять мужика на пути.
Так Лучинником рощу прозвали.
Пушкин рощу любил и берег
И в московской, и в питерской дали,
И среди пугачевских дорог.
Осень вновь зажигает осины,
Осыпая листвою поля.
Засветился Лучинник в России —
И поэзией дышит земля.

Ф Е В Р О Н Ь Я

«Дочь пасечника, болдинская красавица Февронья любила А. С. Пушкина...»

Из книги «Болдинская старина».

Осень. Дождь колотит в окна. Рань.
Нехотя с постели он поднялся.
Надо же, в такую глухомань,
В богом позабытый край забрался!
Мокрый вяз трепещет на ветру,
Тучи пескончаемы суровы.
В Питере собратья по перу.
И в Москве осталась Гончарова.
А дороги страшно далеки!
Возвращаться, видимо, не скоро.
Никуда не деться от тоски —
Не вдохнуть ли вольного простора?!
Вот его ведет не торопя,
Скользкая лысеющая стежка.
Незаметно даже для себя
Оказался Пушкин у сторожки.
Пахнущая медом молодым,
Пасека под липовою кроной.
Здесь-то и предстала перед ним
Русская красавица Февронья.
Истинно славянские черты:
Статна, светлокоса и румяна.
Не с нее ль бессмертные холсты
Долгий век пиеал Венецианов!
«Чья ты?» —

Пушкин выпалил, дивясь.
— «Батюшкина я!» — и засмеялась.

А вдали, левадою светясь,
Болдинская осень занималась.
Листья опадали с ивняка,
Золотя нахохленные кручи.
Растворялась в тебьли тоска,
Словно морозящиеся тучи.
А Февронья радостно его
У сторожки ветхой дождалась.
И сама не ведая того,
Что стихами осень продолжалась.
Столько в сердце горьких перемен,
Как молитвою заговорила!
Ничего не требуя взамен,
Просто несказанно полюбила.
Пушкину до смерти не забыть
Пасеку под липовою кроной.
Осень Болдинской могла не быть —
Не явись красавица Февронья.

БОЛДИНСКАЯ ОСЕНЬ.

Шла обычная осень по свету,
Легендарная осень теперь.
Он тогда ни пасквильных наветов,
Ни обиды не знал, ни потерь.
К черту — тяготы с будущей тещей
И российских журналов раздор.
Ах, как светится юная роща,
Заплескав семицветьем простор!
Не от рощи ли радужной этой
Порыжели вихры облаков?
Посредине равнины поэту
Гулы слышались давних веков.
Облака превращались в кочевья,
Превращались ометы в шатры.
И пылали кострами деревья,
Застилая дымами дворы.
Из дымов мужики восставали:
Русы,
    яроствны,
        крепкн,
            лнхн...

Болъ Росснн, забытые далн
Превращались поэтом в стнхн,
И в поэмы, н прозу, н сказкн.
Надо ж столько создать одному!
Осень в Болднне добрые краскн
Отдала без остатка ему.

В С А Д Н И К

Пока и ложь, и склоки в стороне.
Мятежный Пушкин скачет на коне.
И кудри, и крылатка на ветру
Полощутся, как ветлы на юру.
По-юношески весел и ершист,
Хотя уже давно не лицеист.
Куда он скачет: к славе ли, к добру?—
Не в этом дело. Лишь бы на ветру!
И жизнь вольна, прекрасна и легка...
До Черной речки целые века.

Ч Е Р Н А Я   Р Е Ч К А

Даль сменяется новою далью.
Жизнь крута и трудна, и легка.
Речка Черная черной печалью
Ворошит и года, и века.
Черной памятью речка струится —
Ни корней, ни кустистой ольхи.
От реки запоздалою птицей
Разлетелись по свету стихи.
Ни от пасквилей, ни от навета,
Ни от мерзкой дуэли не спас
Секундант и товарищ поэта
Благородный и честный Данзас.
В одиночестве пушкинской славе
Смерть и жизнь, и бессмертье творить.
Но сквозь время мы все же не вправе
Генерала-майора корить.
Он и так был пленен беспокойством,
Что поэт для России угас.
До кончины свое благородство
Проклинал неумный Данзас.
Над Отчизной ветра открывали.
Даль дремучая снова близка.
Речка Черная черной печалью
Ворошит и года, и века.

Суетливые черные птицы,
Не смолкая, кричат и кричат.
Под крестами покойникам спится,
Под крестами столетья молчат.
Сквозь лохматые липы и ели
Тихо каплет предутренний свет.
От наветов, от черной дуэли
Отдыхает российский поэт.
Выдыхается гомон вороний.
Дышит песней отеческий край.
И в пространстве волнующем тонет
То ли плач, то ли крик, то ли грай.

Разыгравшись на белой равнине,
Развенчала метель тишину.
Закидала в забытом овине
Молодыми снегами луну.
Даль встревожена посвистом бойким...
Так и кажется:
                                где-то у вех
Колокольчиком пушкинской тройки
Все звенит девятнадцатый век.

ПОЛОНСКИЙ

«Мой костер в тумане светит,
Искры гаснут на лету...»

Я. П. Полонский.

Его судьба жестоко била,
Родных до срока схоронил.
При жизни слава обходила,
Но никого в том не винил.
И даже на врагов обиды —
Был слишком добрым! — не таил.
Он в каждом человеке видел
Любви и благородства пыл.
Ошибки понимал не сразу,
А может, не хотел их понимать.
Всю жизнь мечтал не по заказу —
По вдохновению писать.
Как быть, когда ты без работы,
Когда преследуют долги,
Когда семейные заботы
Отодвигают прочь стихи?
Но и тогда не канул в Лету —
Творил он ночи напролет!
Внимал тургеневским беседам,
Души предчувствуя полет.
Среди таких людей известных,
Как Достоевский, Тютчев, Фет,
Он был не только друг и сверстник —
По воле Божьей был поэт!
Потомкам путь его приметен,
Зовущий к счастью и добру.
Его костер в тумане светит —
И люди тянутся к костру.

Я С Н А Я   П О Л Я Н А

Поляна Ясная. Ограда.
Дубы столетние. Сады.
Нырнет облако, не глядя,
В хрестоматийные пруды.
Пройдет экскурсия. И снова
В усадьбе старой никого.
Повсюду здесь не тень Толстого,
А свет негаснувший его.

В А С И Л И Й   К А М Е Н С К И Й

«Куда я еду — сам не знаю,
К каким пристану берегам...»

В. Каменский.

Он путь прошел большой и сложный,
Он видел тьму и белый свет,
И авиатор, и художник,
И божьей милости поэт.
Любил людей. В Россию верил,
Как Разин в дедовский простор.
Его причал — прикамский берег.
Его причал — прикамский бор.
Где прославлял родные сени,
Раздолье речек и полей.
То клокотал — как гром весенний,
То пел — как мудрый соловей.
Мешались буйства и пороки
Крутых событий, дат и тем.
В душе бурлили Камой строки
Еще не сложенных поэм.
В себе не вымысел, не сказки —
Воспоминания будил.
И дух крестьянский, дух бунтарский
Под сердцем брагою бродил.
И туч взъерошенные стаи
Давали волюшку словам:
«Куда я еду — сам не знаю,
К каким пристану берегам».
Не стал поэт лихим изгоем —
Он выжил в злые времена.
И приняла в свои покои
Его стихийная страна.

Поныне он стихами вьюжит,
Тайгой уральскою дыша.
Над Камой чайкой снежной кружит
Его мятежная душа.

Б У Н И Н

И дождь, и листопад в Подстепье синем,
Как первые подснежники любил
И на чужбине даль родной России
До смертного мгновенья не забыл.
В душе поэта отзывалось поле
Колосьями ржаными, васильком,
Вознею пташек в знойном суходоле
Да хлопотным глазастым родником.
Не поклониться больше той равнине,
Где каждая травинка Русь поет,
Луна колдует в брошенном овине —
Уснуть до ясной зорьки не дает.
Вернулся бы и в ведро, и в ненастье —
На свете нет Орловщины родней!
Да разве разъярившиеся власти
Простить могли бы «Окаянных дней»?
Простить могли бы истинных пророчеств,
Что большевизм провалится во тьму?..
Хотелось верить в тягостные ночи:
Прозреет добрый люд. И потому
Ворчал по-стариковски, собирался
На Родину, а Родина ждала.
И все-таки во Франции остался,
Обратный путь пурга перемела.
На кладбище чужом угомонился,
Не зная, что в Отечестве любим.
Не зная, что в Россию возвратился
Талантливым творением своим.

С А Б Р А С О В

Едва дома оттаивать начнут
От затяжной навязчивой метели,
Как в загородный лес его зовут
Еще не зазвеневшие капли.
И кажется ему: бубнят ручьи,
Разбужены скворешнями деревни.
Не клочья снега рядом,

а грачн

Крылато восседают на деревьях...
Писал весну!
И даже в те года,
Когда ни денег, ни жилья, ни хлеба!
И теплые проталины с холста
Брбсали взгляд в ликующее небо.

П Р О С Е Л О К

Исхлестанные ветром и дождем
Растрепанные ветлы у дороги.
Мы по грязи всклокоченной идем,
С таким трудом вытаскивая ноги.
Вдали хлеба, как желтая река,
А рядом — колея и холм покатый.
Заглядывают в лужи облака,
Подкрашенные радужным закатом.
Цветут повсюду лужи — не пройти!
Взмывают птицы в небо с праздным свистом.
Да что здесь трудность нашего пути,
Когда в природе красок золотистость,
Когда в природе торжествует жизнь!
Здесь каждый б россиянин удивился,
Когда в природе — только приглядишь:
Саврасовский «Проселок» повторился!

3 О К Т Я Б Р Я

Тишина прострочена стрекозами.
Обнимает лилии волна.
Плавающим небом меж березами
Светится озер голубизна,
Ветер иву кружит над поляною,
Словно вороную в поводу.
Многоцветным северным сиянием
Зацветают листья на виду.
Паутины осень понавесила,
Обшивая кружевом пеньки.
Копшатся необычно весело
Под холмом высоким родники.
Приглядишь, внимая дню осеннему,
Как простор особенно красив!
Нынче день рождения Есенина
Празднует природа на Руси!

СТРОКИ ЕСЕНИНА

Что ни строка — то всплески синевы,
То рощи предосенней акварели,
То пушкинского времези метели,
То луговые запахи травы.
И в холода стихи не холодят.
Что ни строка — дыхание престола!
Не зря на мир славянские озера
Его глазами синими глядят.

П Л А Ч

Природе чувства выплеснул до дна,
И раньше срока растворился в ней.
Светлее стала в озере волна,
И небо над Россией голубей.
А если дождик застит небосвод? —
Пускай не удивляет никого,
Но это вновь природа слезы льет,
Оплакивает сына своего.

Кричали в печати: «Конец! Исписался!
Дорога известна — мужицкий трактир...»
А он всколыхнулся. Да так приподнялся —
Поэта увидел читающий мир!
Сквозь годы и войны, селенья и страны
Его сокровенные строки слышны.
Пусть никому не покажется странным —
Народом Есенин спасен для страны!

СЕЛО КОНСТАНТИНОВО

Холмы в Оке отражены,
Все те ж: задумчивы и строги.
Людей со всех концов страны
Сюда ведут пути-дороги.
Здесь так просторно и светло.
Проходишь стежкой травянистой,
А Константиново село
В напевах, щебётах и свистах.
Сады кудрявят синеву...
Простору радуясь такому.
И не во сне, а наяву
Иду к есенинскому дому.
Мемориальная доска: —
«Родился здесь Сергей Есенин».
Как далека и как близка
Калитка и дорожка в сени!
Читают люди на ходу
Стихи вполголоса друг другу.
Вздыхает яблоня

В саду,
Его ровесница — подруга.
Ну, что ей вспомнилось теперь,
Широколистой, словно лето:
Года волнений и потерь
Иль встречи давние с поэтом?
И я стою среди тразы,
Стихами молча думы рушу.
И шум есенинской листвы
И веселит,
и ранит душу.

Волнующий рязанский край.
В садах заросшие деревни.
Неистовый грачинный грай,
Напоминающий о древнем.
А над Окой стоят холмы,
Как одногорбые верблюды.
Костров качаются дымы,
И над ухой колдуют люди.
В осинах тонет звонкий лог,
Вдали Мещера синью дышит.
«О Русь,
покойный уголок». —
В лугах отчетливо я слышу!..

И С Ц Е Л Е Н И Е

В часы душевных потрясений,
Когда и белый свет не мил,
Меня поэт Сергей Есенин
Щемящей лирикой лечил.
Водил меня осенним лугом,
Водил сторонушкой лесной.
Потерю матери и друга
Поэт оплакивал со мной.
Он поднимал меня на взгорье,
Откуда Русь была видна.
И притупляла боль и горе
Рязанских рек голубизна.
А журазли, крыла раскинув,
Летели, словно облака.
Как тени предков, на равнину
Из бездны падали века.
От Коловрата и Емели
До революции самой.
И хлеб горел, и пули пели,
Калики шли с пустой сумой.
Не пахло волей на просторе —
Отчизну застил черный дым.
О, Русь, твое большое горе
Сравнится ль с горюшком моим?
В часы душевных потрясений,
Когда печаль не разделить,
Как твой поэт Сергей Есенин,
Ты можешь душу исцелить.

ПОСТОЯНСТВО

Туман ползет походкой черепашей.
Травой пожухлой тянет от земли.
И слышно, как вдали над жирной пашней
Есенинские плачут журазли.
О Родине, что покидают снова,
Что хлынут затяжные холода...
А мне легко. Мне с берега родного
Не надо отправляться никуда.
Со мною остаются постоянно —
Какие бы ни грянули ветра! —
И «Золотая осень» Левитана,
И Пушкина «Унылая пора...».

А В Г У С Т

Ворвался август резкими дождями,
Летящим ветром, стонущим вдали.
Кучкуясь, хлопотливо над прудами
Засобирались журавли.
Листва чубами дыбится и рвется,
Кряхтят деревья, словно старики.
Выплывывая пену, речка бьется,
Легко ломая тростники.
Должно быть, лету песня все-же спета
Среди разбушевавшихся полей.
А мы стараемся поверить в лето,
Не веря в мудрость журавлей.

Листья зашуршали под ногами,
Пахнет подпаленым сушняком
Некогда тонувший в птичьем гаме,
Замер лес, продутый сквозняком.
Речка перетянута у брода
Тонкой паутиной, как струной.
От притихшей матушки-природы
Веет колдовскою тишиной.

Сухо в лесу и знойно,
Скрипнет сучок — слышать.
И на душе спокойно.
Землю пора пахать.
Значит, накинуть пашни —
Праздник вершить потом,
Встретится однокашник —
Гостя немедля в дом.
Это все-таки верно
Сбудется. А пока
Листья тихо и мерно
Падают с ивняка.
Сухо в лесу и знойно,
Скрипнет сучок — слышать.
И на душе спокойно.
Землю пора пахать.

* * *

Вновь грачи облепили забор
И картаво кричат на полсвета,
Что сегодня уйдет за угор
Разудалое красное лето,
А потом задымится туман,
И дома, и околицы спрячет.
Задохнется и роща от ран,
Даль впервые о лете заплачет,
Сдавит душу в далекой ночи
Давней болью сторонка родная.
Не пророчьте, что будет, грачи,
Нсужели без вас я не знаю?!

В полях теперь пустей и зримей.
Идти прохладней по росе
И ветер листьями сухими
Играет в лесополосе.
Молчат ромашки. Луг запахан —
Расшит узором паутин.
Но несговорчивая птаха
Еще поет среди калин.
Еще под рыжим огородом
Качает селезня река,
Не хочет, видимо, природа
Встречаться с осенью пока.

Вышел неторопко за округу —
От красы заходится душа:
Конь гривастый шествует по лугу,
Цапля восстает из камыша.
Облако наколото на елку,
Шебуршится в озере вода.
Сыплют птицы песни без умолку,
Будто бы торопятся куда.
Не понять вас, праведные птицы,
Не понять, как истины простой:
Ну куда отсюда торопиться,
Жертвовать великой красотой?

СТАРЫЙ ДУБ

Сорвался с дуба лист и полетел.
Потом еще один, потом еще.
И дуб,, когда-то славой освещен,
У мира на виду осиротел.
Куда девались буйство и краса,
Куда девались сила и могучесть?
Стоит худой, рубцами перскручен,
Уже не смотрит гордо в небеса.
А руки-крюки свесив с кручи вниз,
Сутуля перетруженные плечи,
Седую думу думает о вечном —
Давно меж небом и землей завис.

О С Е Н Н И Й   В Е Т Е Р

Налетел колючий ветер,
Загорюнил небеса.
Зачеркнув слова о лете,
Бойко ринулся в леса.
И налево, и направо
Листья стал метать и рвать,
Задырявилась дубрава,
Ветки нечем прикрывать.
И глаза полны укора,
Что у каждого куста,
Как в квартире после вора:
Мусор, мрак и пустота.

*   *   *

На дворе ноябрь, а лужи,
Словно в августе, кругом.
Вместо холода и стужи
Тучи рвет горластый гром.
Так и кажется, и мнится —
Солнце выплеснет тепло.
Жаворонок, чудо-птица,
Песней осветит село.
И пойдут гулять по свету
Развеселые ветра.
Гимны петь лихому лету,
Славить страдные утра.
Но, увы! Крутые тучи
Ждут и терпят до поры.
И не зря на всякий случай
Трется пес у конуры.

Нынче просто беда —
В поле грязь, как мазут.
Запоздала страда,
Тучи стадом ползут.
Лист летит с ивняка
Над замерзшей кугой.
Умолкает река,
Как поэт над строкой.
Ни частушки лихой,
Ни в улыбке лица.
Воробьи под стрехой,
Кот не сходит с крыльца.
Не видать во дворе
Листопада с берез.
В сентябре, в октябре
Дождь, метель и мороз...

Резвятся стежки, словно строчки,
Звенят на северном ветру.
Морозом схваченные кочки
Окаменели поутру.
Клинообразны и тревожны,
К тому же каждая торчком.
Селом пробраться невозможно
Ни на подводе, ни пешком
Насквозь безжизненна округа —
В иное верится едва ль.
Скорей бы взбалмошная вьюга
Снегами выровняла даль.
Благого этого свершенья
И люди ждут, и деревья.
Пока одно лишь утешенье:
К зиме сготовлены дрова.

*   *   *

Декабрь, как говорится, на носу,
А снега нет ни в поле, ни в лесу.
Не резали задумчивой реки
Искристые мальчишечьи коньки.
Как валенок подшитых старики,
Не примеряли шубы ивняки.
Не белены метелями дворы.
И пес, как черт, у черной конуры.
Полдня трещит сорока над избой:
«Не будет нынче зимушки зимой!»

Зима румяноликая легла,
Раскинув искрометные метели.
Дымком печным пахнуло от села —
На пол-России печки закряхтели.
Куда-то рухнул наш тяжелый век —
Не место, значит, пуле и кручине.
Задумался о жизни человек,
И потянулся медленно к лучине.

|

Сугробы. Солнце. Заячьи следы
Кусты соединяют меж собою.
Поблескивают скользкие пруды
Полупрозрачной далью голубою.
Вполголоса от счастья прокричи —
В ответ услышишь песнопенье друга.
В березах закачаются лучи,
Морозами откликнется округа.
Забудешь вмиг в проселочной глуши
Политику и город в сшибке жгучей.
Нахлынет праздник, праздник для души,
Замешанный на зимушке дремучей!

Утро метелью дымится,
Только свисая с берез.
Ветер в сениях копошится,
Дышит в окошко мороз.
Хлопну калиткой искристой —
В пену снегов окунусь.
И улетучится быстро,
Душу точившая, грусть.
Радуюсь крепкой прохладе,
Буду тропинку топтать.
Странно, что мог бы не глядя,
Утро такое проспаты!

Над родной сторонешкой далекой
Вьюгою развенчана равнина,
И мороз простуженной сорокой
С треском лезет в сени да овины.
Из-под снега избы очи лупят
На седые сгорбленные крыши,
Веруя, что все-таки наступят
И рассвет, и дивное затишье.

Завалена сугробами округа.
Кустарники в заснеженном плену.
Но, тишины не терпящая, вьюга
Плетьми наотмашь хлещет по окну.
Гоню ее разгневанною печью,
Швыряя в жар солому и дрова.
Окутывает избу теплый вечер
Под бабушкины добрые слова.
Крадется тишь, неспешно прячет лапы
Выветривая вьюгу, словно грусть...
Зажгу вот керосиновую лампу —
И в пушкинские сказки провалюсь!

К О Н Ю Х

Навалило снегу за ночь.
Где дорога? Угадай!
Запрягает лошадь в сани
Конюх дядя Николай.
С рук слетают рукавицы,
Под ногами вихря снег.
Ребятня вокруг толпится,
Рассыпает звонкий смех,
Волокут солому в сани,
Сбрую дружно подают.
По конюшне, словом, сами,
Как хозяйева, снуют.
Все стараются поболе
Подмогнуть да угодить.
Как-никак, а дядя Коля
Обещался прокатить.
Исподлобья хитровато
Кинет конюх мудрый взор:
«Вот народ чудаковатый!
Хоть и мелок, а хитер».
Знают дядю Николая:
Не откажет никогда.
Поперечник поправляя,
Пригласил ребят: «Айда!»
Эхо мигом огласило
Дали шустрой ребятней!
И Карюха затрусила
Вдоль по улице родной.

КУЗЬМА

Памяти Савинкова К.

Перемело пути-дороги —
Зима надолго власть взяла,
Кузьма запряг Карюху в дроги,
И потащился вдоль села.
Сугробы лошади по брюхо,
К тому ж еще — она стара.
А если честно, то Карюхе
Давно на пенсию пора.
Да и Кузьма годами вышел.
Они с Карюхой заодно,
Пока село покоем дышит,
Спешат за сеном на гумно.
В конюшне завтрак ожидает
С десятков добрых лошадей.
А снег ложится и летает
Меж баз, избушек и плетей.
Скрипят, покачиваясь, дроги,
Метелью пыльною дымят.
Воспоминания-тревоги
Кузьму неспешно полонят.
А столько было в долгой жизни
Ухабов, пропастей, дорог,
Порой замешанных на тризне,
Как в ураган, валящих с ног?
Пыхтя цыгаркой, встрепенется:
Уйти бы надо на покой.
Но еле слышно усмехнется,
Довольный долюшкой такой.
Приятно все-таки, ей-Богу,
Когда засветятся дома,
Объявят бабы, что дорогу
Торил не кто-то, а Кузьма!

К Е Д Р Ы

Где извечно стонут ветры,
Будь весна или зима, —
Мертвой хваткой вгрызлись кедры
В облысевший горб холма.
Сверху корни, словно пальцы
Святогоровой руки.
След оставили на пальцах
Молний жгучие клинки.
Кедры боль в себя вобрали —
Слышен скрип их за версту.
Как туда они забрались,
На такую высоту?
Остается поражаться...
Ну а сами б мы смогли
Точно так вот удержаться
На осколочке земли?!

Г Р Я Д Е Т   Ф Е В Р А Л Ь

Грядет февраль — мой день рожденья.
На зиму старше стану я.
В лета млады без сожаленья
Менял обжитые края.
И превращалась Волга в Каму,
А Кама — в стынущую Обь.
Во сне я видел степь и маму
Меж разбегающихся троп.
К вершинам звездным поднимался
Легко, возвышенно, светло.
Под утро вязкое — срывался
В реальность жизни: в ложь и зло.
Тоска по родине далекой
Мне душу стужила и жгла.
А вьюга кошкой белобокой
Окно промерзшее скребла.
Под звук шопеновского вальса
Друзей оплакивал своих.
В безвестье долго оставался
Среди безмолвий роковых.
Но все же ветры отыграли,
Утихомирилась пурга.
Сквозь толщи снега на Урале
Моя проклюнулась строка.
Радкевич, Решетов — поэты
Мне, как сумели, помогли
Вобрать и мудрости, и света
Неугасающей дали.
Теперь давно уже не молод,
Оповещаю не скорбя:
Меня схватил за горло город,
Не отпускает от себя.

Не страшно мне, ведь за верстами
Клокочет песенная Русь.
Страшнее то, что я с годами
В дороги новые не рвусь.
В кабак иду без сожаленья,
Прискорбных мыслей не тая...
Грядет февраль — мой день рожденья.
На зиму старше стану я.

★   ★   ★

Тоской затянута душа,
Как речка льдом.
Ни всплеска рыбы в камышах,
Ни под кустом.
Ни света лилий, ни купав —
Темным-темно.
И не слышать роптанья трав —
В снегу давно.
Тепло за тридевять земель,
Не наяву.
До ледохода неужель
Не доживу?..

*

*

*

От зимы до лета
За бедой беда.
Покружил по свету
В зной и в холода.
Время ль ставить точку?—
Спорить не берусь.
На последней строчке,
Если не споткнусь.

*   *   *

И сказки выдохлись, и были
Тех зим, когда был юн и смел.
Друзья старинные забыли,
А новых я не заимел.
Так было Господу угодно,
И потому я не тужу.
И с неизбежностью сегодня
Гляжу на смертную межу.

Жить в миру совсем не просто,
Если честный человек,
И с дорогой до погоста
Породнился ты навек.
Вместо озера — болото,
Вместо горькой правды — ложь.
И за новым поворотом
Не поля, а камни сплошь.
И сквозишь без промедленья:
Ноги в кровь. И душу в кровь.
Но маячит в отдалении,
Как спасенье, отчий кров.
Дотянуть до перекрестка,
До согнутых ветром вех...
Жить в миру совсем не просто,
Если честный человек.

Февраль выжимает последние силы,
Страшая морозом, страшая пургой.
А снег-то уже ноздреватый и синий
Под теплой соломой, под теплой избой.
К завалинкам жмутся смиренные птицы —
Тепло возвращается медленно к ним.
В подталое небо державно струится
Из печек стрекучих воинственный дым.
Проталиной скоро засветятся дали,
Грачами зима задохнется во мгле..
Цыгане давно уж тулупы продали —
И табор кочует по грешной земле!

С Л Е Д Ы

Поля кругом за полверсты,
Как в легком облаке, в снегу.
Под снегом тропы и кусты,
Под снегом вяз на берегу.
У промороженной воды,
Где с лилий росы пил рассвет,
Покоит снег мои следы
Рыбачких юношеских лет.
Не дотянуться мне до них —
Метель стегает по руке.
И где-то бродит сладкий миг
Ямщицкой песней вдалеке,
Пока апрельская волна
Не взвихрит сонные пруды,
Пока черемухой весна
Не оживит мои следы.

От капель звон — сосульки тают.
Ручьи готовятся в бега.
Ветра крылатые летают,
Вылизывая талые снега.
Еще чуть-чуть — и, лед ломая,
Ударят реки в берега.
Разговорятся вольно маем
Черемухой запахшие лога.
Вокруг пути и бездорожья
Восстанут песней, тишь круша.
Отринув мир крутой и сложный,
Опять к душе потянется душа.

Я Р О С Л А В А

Ярославе Сафоновой

Зацвели проталинами дали,
Залила полгоризонта синь...
Ярославой девочку назвали,
Так издревле звали на Руси.
Ярослава, Славушка родная,
Нет на свете имени светлей.
Родина склонилась, напевая,
Над кроваткой крохотной твоей.
Песнею баюкает и лаской,
Чтобы ты счастливою росла:
Верила в бессмертье русской сказки
И не знала горести и зла.
Грядет день двухтысячного года,
Всполошит черемуха сады.
У востлы из дальнего похода
Встретишь князя, радостная, ты.
Встретишь князя — искренне полюбишь
Под ночную россыпь соловья.
Грядет день — и князя приголубишь,
Как славянка древняя твоя.
Станут вам дороже и дубравы,
И луга, и реки, и цветы.
Ведь не зря в российских Ярославах
Искон славянские черты!
Для любви, для верности, для славы
Это имя с гордостью неси,
Чтобы вечно жили Ярославы
На великой праведной Руси!

СУКСУНСКИЕ ЖЕНЩИНЫ ПЕЛИ

В. Бачуриной, Г. Сосниной

Суксунские женщины пели
Волнующе, лихо, тепло.
И песней, как в зной и в метели,
Морозило душу и жгло.
И сыпались звезды, как зерна,—
Кипела, мерцая, река.
В пространстве бездонном покорно
Мешались и дни, и века.
Вагоны, как сосны, качались —
Бежал за вокзалом вокзал.
И снова в дремучей печали
Замерзший ящик замерзал
На муромской старой дороге
Клялись до могилы любить.
Слезу вышибали тревоги,
Которых вовек не избыть.
Сквозь всполохи тьмы и рассвета
И в ад уносило, и в рай.
Летела от церкви карета
В уральский рябиновый край.
Суксун отзывался холмами,
Звездастым полночным прудом.
Суксун отзывался домами
И каждым притихшим кустом.
А женщины пели и пели
Волнующе, лихо, тепло.
И песней, как в зной и в метели,
Морозило душу и жгло.

Время кленам листву одеть,
Да они до сих пор раздеты.
Время ласточкам прилететь,
Да они задержались где-то.
Время теплым шальным ветрам
Молодые ветра ерошить,
Но по-прежнему по утрам
Продолжают снега порошить.
Время встретить давно тебя —
Ты ж, любимая, не приходишь.
Неужели меня, любя,
Как природа, ты за нос водишь?!

И грязь, и снег смешались в кучу.
Апрель сосульками звенит.
Легко вознесшись грач на кручу,
Скороговорками бубнит.
Река показывает норы,
Швыряя льды, как поплавки,
Содом суслиный сверлит норы.
Ручьиным долам вопреки.
Уходит в небыль день вчерашний.
Ветра над полем тучу рвут.
А завтра вздыбленные пашни
На посевную позовут!

Густым закатом небо заиграло,
Румянами зарделось полземли.
Над вековой дремучестью Урала
Озера, словно маки, зацвели.
А следом и распахнутые окна,
Ведь на дворе сиренится весна.
И лужи киноварью попромокли,
И обожглась сучкастая сосна.
А люди молятся, дела отринув,—
Такое им не виделось окрест:
Парит над церковью, крыла раскинув,
Светящийся, как лик Господний, крест.

Май дождями завершен.
Пали холода.
Пруд продернут камышом.
Зелена вода.
Берег трогает волна
Пенным языком.
Заблудилась тишина
Где-то под кустом.
Наплывают облака,
Месяц шурит глаз.
Будет так через века.
Будет, но без нас.

С В Е Т   Р О Д И Н Ы

Над землею светлоликой
Кружат облака.
Поразбросаны по долу
Шапки ивняка.
В ширь и в высь руладой птичьей
Высвечен простор.
Не закрыть его лесами,
Ни громадой гор.
Это свет равнины вольной,
Родины моей.
Мне за тысячью путями
От него светлей.

З О В

Виктору

Понять не трудно. Понимаю,
Что в степь тебя, мой друг, зовет.
Совсем не тропочка прямая,
Не ветел хрупкий хоровод.
Ладонью горькою полынной
Пригладишь белые виски,
И смотришь, смотришь, где равнина
Пшеницей глушит сквозняки.
Стойшь, забыв седые даты,
И в сердце боль, и в горле ком:
До сей поры трава не смята,
Где бегал батька босиком!

Камыш, крапива, ежевика
Забрали озеро в полон.
А возле тропки полудикой
Стоит лохматым лешим клен.
Орел, Бог весть откуда взялся,—
Над вечным озером парит.
Пейзаж до древности добрался,
Но с предстоящим говорит.

Закат обронил тишину.
И видно, как в мире высоком
Озера отходят ко сну,
Прикрывшись кугой и осокой.
Застыла в раздумье ольха,
Набросила крону на плечи.
От прозы простой до стиха
Мгновенье. А может быть, вечность?..

Было б точно, по-другому.
Я другой бы тоже был,
Если б лодкой тихий омут
Ночью я не разбудил.
Если мне б не удивиться,
Не качнуть веслом луну,
Не спугнуть бы, словно птицу,
Из осоки тишину,
Было б точно, по-другому.
Убеждать вас, люди, стал,
Что стихи былинный омут
Мне другие нашептал.

* * *

Шевельнулась волна — и примолкла,
Ибо, ветер зарылся в камыш.
Как видать, по природе надолго
Овладела округою тишь.
Вспыхнут звезды над полюшком росным,
За собою потянут луну.
До раесвета уставятся сосны
В неразгаданную вышину,
Лишь сохатый — поэзия леса —
Сушняком протрещит стороной,
И опять, как туманной завесой
Опояшется ночь тишиной.

Растаял птичий перещелк,
Река забылась под ольхою.
Гортанный крик лягушек смолк,
В корягах щука на покое.
В округе белый свет померк,
Коснулся месяц небосвода.
За день не только человек,
За день устала и природа.

Замер ветер в зеленом долу.
Смолкли, некогда буйные, травы,
Сели, словно на стог, на ветлу
Облака в темно-синих оправках.
Вечер звезды зажег. И луну
Вместо лампы над полем повесил.
Остается теперь тишину
Опоясать напевами песен.
Тронул трель соловей, не дыша.
Перепелки откликнулись хором.
Вечер в ночь перешел. И душа
Задышала дремучим простором.

Над головою звезды и ветра,
Цветет ковыль над головою.
В ногах — лога, И до утра
Я укрываюсь тишиною.
Припав к земле, лежу в ночной глуши.
На травы падают росины.
Как доктор, слушаю в тиши
Сердцебиение России.

Пропел петух свою побужду,
Провозгласив рассвет селу.
Закрякала, проснувшись, утка,
И косы вжикнули в долу.
А ночь ресницы опустила,
Прижалась к влажному плетию.
Дорогу, молча, уступила,
Росою пахнущему, дню.

И Ю Л Ь

I

Ошеломил июль жарой!
Береза ветви распростерла,
Ручью под желтою горой
Перехватило напрочь горло.
Скрутился кольцами камыш,
На берегу тропа дымится.
И, схоронившись в круче, стриж
Не жаждет миру объявиться.
Копна макушку обожгла,
Когда кузнечика спасала.
Скорей бы ноченька пришла,
Над полем звезды разбросала!

* * *

II

Июль несносною жарой
Навис над русскою природой.
Засохла речка под горой,
Покрылись пылью огороды.
К земле прижалась лебеда,
Ушли в подполье псы и кошки.
На стойлах выжженных стада
Томятся в вынужденной лежке.
Обезголосели сады,
Кузнечик в травах не стрекочет.
Кипят, как в чайниках, пруды —
Лягушки выпучили очи.
Напрасно ждать. Конец всему.
Дождями высь не обернется,
Покуда в солнечном дыму
Июль жарой не задохнется.

ВАНЮШКА - ВОДОВОЗ

И. Мырабову

Чубатый, набож кепка,
Плечист, русоволос.
Как скажут, сложен крепко
Ванюшка-водовоз.
Любого мужчину
Сбороть пустяк ему.
Сидит на бочке чинно,
Кричит:
— Воды кому?
Сольет и вновь играет
Над речкой черпаком.
Вихрясь, волна гуляет
У ног его легко.
Особенно о силе
Легенды — по селу.
Увидел дед Василий
Однажды на углу:
С возком, в упряжке лошадь
Упала и лежит.
А к ней Иван в калошах
По улице бежит.
Обрезал сбрую разом.
Напрягся второпях,
И лошадь, словно МАЗом,
Поставил на «попа».
С тех пор отбоя исту —
За ним ребят толпа:
— Ну как ты лошадь эту
Поставил на «попа»?
— Не знаю. Вы у деда
Спросите, — скажет выиг.—

А мне свезти к обеду
Три бочки на парник.
И солнце бойко снова
Смеется в черпаке,
Который, как половник,
В Ивановой руке.
Повсюду разговоры:
— Ванюшка-водовоз
Воды, пожалуй, море
В совхозе перевез.
Молчит. Ни с кем не спорит.
А скажет лишь Иван:
— Ну что там, люди, море,
Вот если б океан...

Т Р О П А - Т Р О П И Н К А

Эх, моя тропа-тропинка,
Разговорчивый ручей,
Ты откуда, невидимка,
Из каких бежишь ночей?
Где же я тебя приметил,
На котором берегу?—
Может, там, где месяц в лете
Выгнул золото-дугу?
Может, где косарь могучий
Перечеркивал луга,
Иль веселый просто случай
Породнил наверняка?
Шел по свету за тобою.
Ты на Волгу — я туда.
Ты в раздолье степное —
Я, не мешкая, туда.
По росинкам, по крупинкам
Свяжем строки — снова в путь.
Эх, моя тропа-тропинка,
Может в город завернуть?
И по рельсам заиграла
Сквозь туман и дождь седой.
Запетляла по Уралу —
Я, конечно, за тобой.
Позади родные дали,
Степь и ветлы позади.
И не ведали, не знали
Сколько нови впереди!
Тракт сибирский, холм покатый,
Тянет к солнцу травы луг.
Пахнет озером и мятой,
Зверобоем. А вокруг

Лес колдует в птичьем гаме,
Балагурят грибники.
Оказались мы на Каме,
Стали с нею пермяки!..
Ты откуда, невидимка,
Из каких бежишь ночей?
Эх, моя тропа-тропинка,
Поэтический ручей!

Как художник на этюды,
В бор стихи писать иду.
Может, я на Чудо-юдо
В глухомани набреду?
Может, встречу под сосною
У живого родника
Бородатого седого
Старика-лесовика?
Может, птицу Гамаюна,
Что восславил Васнецов?—
Не закрой ты, бор угрюмый,
Клады сказок на засов!

Один в лесу широколистом,
В окружье рощ, озер, дубрав.
Насквозь продутый птичьим свистом
Как древнерусским духом трав.
И дышит таинствами стежка,
Где не бродил ни Бий, ни зверь.
Сама изба на курьих ножках
Приоткрывает в сказку дверь.
Забыв о времени горячем,
В котором сшибка да кресты,
Пою, пишу, тону в дремучье
Хрестоматийной доброты.
В душе прекрасное творится!
Лишь об одном грущу, скорбя,
Что не с кем счастьем поделиться,
Что нету рядышком тебя!

СТУДЕНЧЕСКИЕ ВИРШИ

Пронюшкину П. И.

Стучат дожди по темной крыше,
А в доме славно и добро.
Мои студенческие вирши
Читает Пронюшкин Петро.
Не по листку — на память шпарит
Легко, с улыбкой озорной
О житие моем в Самаре
От Культпросвета до пивной.
Вещает о любви курносой,
Одной из юношеских муз.
Я слышу, как разноголосо
Гудит студенческий союз.
Общага в знойном споре тонет,
А в каждом споре свой мудрец.
Идет разборка о чарльстоне,
О русском вальсе наконец.
Растают спорища недолги
И в сквере пушкинском густом,
И с поцелуями на Волге
Да под гармонику притом...
Себя студенчеством наполнил —
В душе года переплелись.
Но юных строк почти не помню —
Видать, стихи не удались.
Я не жалею, не кручинюсь,
Когда мы вместе — мир велик!
А ну-ка, братец, для зачина
Налей мадеры под шашлык!
Мы выпьем, чувствуя волненье, —
Не за стихи, что позабыл,
А за Петра, что на мгновенье,
Но все же юность возвратил!

В Д О Х Н О В Е Н И Е

Когда в бунтующей стихии
Услышишь всплески тишины,
А в ночи темные глухие
Увидишь отблески луны,
Когда по-Божьему веленью
Откроет даль свои пути,
Тогда приходит вдохновение,
И ты его — не упусти!

У Д И В Л Е Н И Е

Счастлив ты, что можешь удивиться
Дождю летящему в траву.
Ветру предрассветному. И птице
Рвущейся, как песня, в синеву.
Удивиться музыке, что льется
Из-под клавиш в сказочной тиши.
И волне, что робко шевельнется,
Тронув незаметно камыши.
Сквозь тревогу, радость и волненье,
Сквозь природы яркие штрихи
Преврати святое удивленье
В музыку, в картины и в стихи!

В ПОИСКАХ СЛОВА

В поисках слова дороги пройдешь,
Поговоришь с лебедой и цветами.
Птицей усталою в рожь упадешь,
Встретишь рассвет над прудами.
В лес предосенний, как тень, побредешь,
Перестрадаешь несчастья и боли.
Нужное слово в скитаньях найдешь,
Если откликнутся роща и поле.

•   •   •

По небу облака раздольно кружат,
Как стаи белохвостых голубей.
И суслики насвистывают дружно
Мелодии колышущих степей.
Синеющая даль глаза туманит.
Полощется мираж озер и рек.
Густая рожь колосья к солнцу тянет,
С весны набрав стремительный разбег.
От перепелочьей рулады ветер,
Как во хмелю, гуляет по полям.
Простор лихой разноголос и светел.
Тропинка разрезает пополам.
Летит в село с одним напоминаньем,
Что скоро начинается косьба.
И, слушая с особенным вниманьем,
Таращит окна каждая изба.

* * *

Нависла туча. Хлынул дождь
С такой невиданною злостью,
Что листья в дрожь, кувшинки в дрожь,
Вповалку травы и колосья!
Поток стремительный с горы
Озвучил всплесками округу.
Вороны крыши и дворы
Атаковали с перепугу.
И только с каждым мигом гусь
Гагачет радужней, приветней:
К чему боязнь, тревога, грусть,
Когда над миром дождик летний?!

*   *   *

Ветра качают над рекой
Парящих туч седые гривы.
Тропа летящею строкой
Из-под кустов вихрит игриво.
На берег тихий, где рыбак
До зорьки слился с камышами,
Насквозь пропахший, как пиджак,
Плотвой, приманкой и ершами.
Свернувшись кренделем, Полкан
В тенечке спит и в ус не дуёт.
С волной ленивою кукан
Под пенным берегом колдует.
Природу слушая, молчу.
Я здесь душою чист и молод,
И возвращаться не хочу
В, бурлящий митингами, город.

РУСАЛКИ

Каменских С. Н.

Махнем-ка, Сергей Николаич,
В дремучий лесной уголок,
Где нету ни крика, ни лая,
Ни сшибок лобастых, ни склок.
А только листвою колышет
Над озером синим ольха,
И облако в озере дышит,
Достойное чудо-стиха.
Разложим костер неторопко,
Достанем вино и шашлык.
Поблизости с тоненькой тропкой
Устроим нехитрый пикник.
На голос, на речи, на песни,
Отринув замшелый уют,
Из древности леший воскреснет,
Из сказок русалки всплывут.
Такой красоты несравненной,
Какую не видывал свет!
И даже у Пушкина, верно,
В поэмах классических нет.
Глаза поволокой залиты,
А волос — желтее куяв.
И таинства полуприкрыты
Сетями волнующих трав.
Нам головы вмиг затуманят —
И по боку жены и дом.
Закрутим, не глядя, романы —
Не важно, что будет потом.
Медовые дни и недели
Ручьи сто в глуши потекут.

И будет пылать до метелей
Русалочий жаркий уют.
Забудем и крики, и лап,
И город в урочище склок...
Махнем-ка, Сергей Николаич,
В дремучий лесной уголок!

НА РЫБАЛКЕ

Фомину Юрию

Сели в лодку. Оттолкнулись
Вроде в полной тишине.
Листья лилий завернулись,
Заходили на волне.
Зашептал камыш тревожно,
Подхватил тревогу сом.
Хоть, признаться, осторожно
Мы орудуем веслом.
Рядом скрипнула сорока,
Заерошилась листва.
И пошла гулять до срока
По речной глуши молва.
Понесли молву лягушки,
Дуя в дудки-тростники,
Что готовят закидушки,
Сеть готовят рыбаки.
Всполошилась птичья стая,
Оборвав покоя нить.
И теперь попробуй тайну
О рыбалке сохранить.

НА ПРУДУ

Алеше

Втроем на резиновой лодке
Плывем посредине пруда.
В округе прозрачно и ходко
От ветра бугрится вода.
Воистину день-то хороший:
Полощется голубизна,
Искринками солнце порошит,
Баюкает чайку волна.
Кустарники светятся маком,
Утиная стая парит.
Вблизи вопросительным знаком
Под берегом цапля стоит.
Стрижами проколоты кручи
Почти от верхов камыша.
Трехлетний малыш почемучит —
Алешей зовут малыша.
И мы отвечаем, как можем,
И дальше неспешно плывем.
Ах, друг, замечательно все же,
Что здесь постоянно живем!
Мы слышим, как рожь колосится,
Как ветры в оврагах поют.
И люди, и звери, и птицы
Не зря же нашли здесь приют!
И кубарем катится етежка,
Срываясь в кудрявистость вод.
Как славно, что внук твой Алешка
Среди разнотравья растет!
Хоть век-то у нас быстротечный —
Не будем винить никого.
Но внук прикоснулся и к вечности,

И вечность коснулась его.
Подруливай к берегу, друже,
Единственным нашим веслом.
Давно ожидает нас ужин
В палатке под синим жолмом.
Спешить нам теперь не пристало.
Давай-ка разлей на троих!
Ведь даже сорока признала
На родине нас за своих.
Я верю, дружище хороший,
Сюда возвратимся не раз.
Ковыльно-вихрастый Алеша
Потомкам расскажет о нас!

* * *

По капле небосвода синего
Стекает в лес на миг и впрок.
Ручей толстенными осинами
Завален вдоль и поперёк.
Камыш пробит насквозь тоннелями,
Где ни дождей и ни ветров.
Прикрыто вязкими постелями
Хозяйство крепкое бобров.
В глуши лесной живут и множатся,
Совсем не ведая о зле.
Ежели звери не тревожатся,
И нам спокойней на земле.

Считает лось за кочкой кочку
В непроходимом сосняке.
Дрофа не в стае — в одиночку
Таится в чутком тростнике.
Вдали от вытоптанной стежки
Лису хоронит тишина.
В законспирированной лежке
Листва прикрыла кабана.
Барсук в земную глубь зарылся.
В природе жуткий непокой:
Сезон охотничий открылся —
Трубят газеты день-деньской.

С Е Л Е З Е Н Ь

Крылами ряску разметав,
Со стоном селезень поднялся.
И долго стон в пучине трав,
В пучине рош не растворялся.
А завтра снова точно так:
И стон, и селезень, и ряска.
Тонула в ивовых кустах
Давно развенчанная сказка.
И третий день был так же сер.
Душа кричала на округу.
Лесник сказал, что браконьер
Убил у селезня подругу.

*   *   *

С горы тропинка падает в долину,
Опутывая сосны и кусты,
Где птица современно и былинно
Разбрасывает трель на полверсты,
Лиса, не прячась, шествует лениво,
На миг презрев мышиную возню.
Выглядывает заяц из-под ивы,
Прислушиваясь к радужному дню.
И некому, и некого бояться.
Ах, жить бы так не временно, а век,
Когда в миру семьей объединятся
Природа, птица, зверь и человек!

◆   ◆   ◆

Не унимался дождь всю ночь.
Под утро грянул с новой силой —
С лица земли исчезли прочь
Канавы, впадины косые.
Лишь лужи вдоль и поперек
Волной пластали захоlustье
Да ветер вещий, как пророк,
Пугал миры нуждой и грустью...

★   ★   ★

Брату Петру

Смирился дождь.
А мы буксуем —
Ревут и стонут «Жигули».
Легко в обочину косую
Как не хотели, а сползли.
Зарылись в грязь —
И нету ходу.
Лопатим вязкий чернозем.
Клянем дорогу и погоду,
Село ближайшее клянем,
Где со двора под жест короткий
Прогнали нас, как татей, прочь.
И даже за бутылку водки
Не пожелали нам помочь.
Клянем безжалостно и круто,
От слов горчичных меркнет свет.
А здесь ведь родина кому-то,
Родней которой в мире нет...

* * *

Что есть мочи клянем непогоду
В полыханьи и ливней, и гроз,
Что сдирает косынки с берез,
Промывая насквозь огороды,
Лужи горбятся, словно заплаты,
В космах туч заштормил окоем.
Непогоду всечасно клянем —
Ну а в чем же она виновата?..

Ветра метут по захолустью,
Как дворники, листву.
Деревья смотрят с тихой грустью,
Не веруя в молву,
Что были буйны и лохматы,
Мятежно зелены.
И птичий мир — оркестр крылатый —
Рулады пел с весны.
В тени ютился путник божий,
Готовясь в дальний край.
Увы! Но старый год мой прожит,
В душе вороний грай.
В сквозящем голом захолустье
Предзимние штрихи.
И все ж не в радости, а в грусти
Рождаются стихи.

Л И С Т Ь Я

На землю падают, на пни
В счастливый год и в лихолетье.
И так плывут за днями дни,
Плывут года, плывут столетья.
Ветра шуршат по деревьям,
Срываясь в дали ураганно.
Доколь кружиться, листья, вам,
Доколе падать неустанно?
Летят, летят — им нет конца.
Опять над вечностью кружатся,
Пока дремучие леса
До холодов не обнажатся.

Расстались. Ни упреков и ни слез.
И ветер странствий голос твой унес.
Что не смогла меня ты полюбить, —
Кручинушку на сердце не избыть.
Ни песни, ни стихи не помогли —
Метели злые путь перемели.
И зимы рухнут в бездну, и года,
Как люди в вечность канут. И тогда
Тебя не осужу, не повиню.
Но как любовь к тебе похороню?..

Дожди и ветры. Ветры и дожди.
От листьев рыжие аллеи.
О, время, поскорее проходи,
Тебя нисколько не жалею.
С любимой разлучило ты меня,
И на пути — одни преграды:
Ухабы да кинжальная стерня —
Ни стежек ласковых, ни радуг.
И не окликнешь, и не позовешь —
Лишь прошумит во мне, как в поле
Июльским ветром схваченная рожь, —
И сердце защежит от боли.

* * *

«Я рад, что ты меня забыла...»

(В. Ходасевич)

Я рад, что ты меня забыла
В чужой далекой стороне.
А то, что между нами было,
Пушай останется во мне.
Пока сквозь беды и мороки
Топчу вихрастую траву,
И, как спасительные строки,
Бросаю взгляды в синеву.
А ты люби свои метели,
Свои безгрешные пути.
Зачем же помнить в самом деле
Полузабытое почти?
Осели старые могилы,
Развеян пеплом прошлый пыл.
Я рад, что ты меня забыла.
И рад, что я не позабыл.

Боль давно причинил подруге,
Но свербит до сих пор душа.
Много раз по родной округе
Весны рвали снега, круша.
Задышалась и степь от зноя,
И страшила страда нуждой.
Что случилось, друзья, со мною
Через годы пред смертной чертой?
Где подруга живет — не знаю,
А теперь не узнать уже.
Развязалась тропа степная
На ухабистом вираже.
Люди рухнули, не заметив:
С кем же были в упряжке одной?
Обернулся мгновенно ветер
Раздирающей тишиной.
Не сбежать из глухого круга,
Коль не манит искристый свет.
Неужель не простит подруга
Через тризны горячих лет?..

Чаще мы на страде да на тризне,
Чаще мы на крутом сквозняке.
Суедемся, барахтаясь, в жизни,
Словно в горной бурлящей реке.
И стараемся выплыть и выжить,
А случается — наоборот.
Но стремительно стежкою рыжей
Время катится за поворот.
Жаль, что многое мы не успели,
Оказавшись на горькой мели!
Лучших песен сложить не сумели,
Дом родительский не сберегли.
Растеряли друзей по дороге,
Дикой вьюгой следы замело.
О каменья кровавили ноги,
И кровавили души о злое
И судьбою, и властью гонимы,
Оторвались от отчей земли.
Ни детей и ни женщин любимых
Осчастливить и то не смогли..

*   *   *

Листья не успели облететь,
А ветра — снегами завертели.
В одночасье поседела степь,
Реки, словно окна, запотели.
Пролегла такая пустота,
Что душа заходится в тревоге:
Жизнь видна с рожденья до креста
В круговерти вздыбленной дороги.

Полетели снега, полетели.
И под вечер заметно уже,
Как поля и холмы пополнили,
Как завязли кусты на меже.
И сугробы клубятся, как дрожжи,
Восставая из тесной дежи...
День схоронен, а стало быть, прожит,
Канул в пропасть, ушел в миражи.
Растворяются в буйной метели
Боль и радость, любовь и вражда.
Полетели снега, полетели,
Заметая и дни, и года.

* * *

Не гнался, не гонюсь за модой.
Живу и жил на сквозняках.
Пишу о хлебе, о природе,
О деревенских мужиках.
А что святее и дороже
Угрюмых сел, ржаных полей,
Идущих тысячами стежек,
Землею пахнувших, людей?!
Они — работа и усталость,
Любовь и боль моей судьбы.
Не зря ж Россия начиналась
С березки, с полюшка, с избы!

П О Э Т

Г. Краснослободцеву

В каморке тесной друг живет.
Стихами дышит. Вермут пьет.
Была семья. Была жена —
Свила гнездо с другим она.
То крик судьбы, а не слова.
Она по-своему права.
Как ни крути, судьбу круша,—
Стихи не кормят ни шиша.
Переболел, перестрадал,
Но душу черту не продал.
Забыл, что жить порой невмочь,
Писал запоем день и ночь.
Терял друзей, терял покой.
От счастья плакал над строкой.
Долги, хоть беден сам, прощал —
Вином зеленым угощал.
И пир горой! И спор мужской,
Прогретый пушкинской строкой!
Стихам конца и края нет,
Пока не хлынет к нам рассвет...
Я к другу запросто вхожу,
И этой дружбой дорожу.
Чего теперь греха таить —
Пытались дружбу очернить.
Но, к счастью, мир не из дельцов —
Из добряков, в конце концов!
А значит — сердце не тревожь,
Забудем, друг, и зло, и ложь.
Взгляни, как яблоня цветет,
Как волен ласточки полет!

Не так ли нам писать и жить,
И словом русским дорожить?!
Я счастлив, что живу, что вот
В каморке тесной друг живет.
Прощаю все ему грехи,
Когда прочту его стихи.

Алексею Решетову

.. И чем талантливей поэт,
Тем обостренней жажда воли.
А сердце — в этом кривды нет! —
Не защищенное от боли.
Но как его убережешь,
Когда в своей короткой жизни
Несчетно раз переживешь
Чужие празднества и тризны?!

* * *

Поэт в больнице —
Болен много лет.
Как излечить от тяжкого недуга?
С журналами и кипами газет
Иду к нему, учителю и другу.
Как чувствует? — Полегче или нет —
Спешу узнать. Но промолчу. Робею.
Стихи взахлеб читает мне поэт,
Как будто прочитать их не успеет.

ПАМЯТИ ПОЭТА

I

Он жил взахлеб. И днем, и ночью
Себя в стихах сжигал дотла.
И проступали между строчек
Искринки света и тепла.
Его теплом, как отчим кровом,
Мы жили, веря и любя.
Добром и совестливым словом
Лечил он всех, но не себя..
За честь, за жизненную повесть
И за тебя, родной Урал,
Поэт Радкевич — наша совесть —
До капли душу расплескал.
Но до сих пор вокруг судачат,
Что, мол, себя не уберег.
Ах, люди, люди, жить иначе
Он, к сожалению, не мог.

II

Не думал умирать. Он жить хотел.
Сполна любить. Сполна и ненавидеть.
Воспитывать людей для добрых дел,
Не собираясь никого обидеть.
А если и обидеть, то врагов,
Чернящих светоносную Россию.
Его душа — размашистость лугов,
Родной тайги бунтующая сила.
Где был и хлеб, и сорная трава,
Паденье с круч и взлет небезызвестный.
Пригоршнями раздаривал слова,
В народе обернувшиеся песней.

Он был поэт и смертный человек.
О, как душа в ладу с эпохой пела!..
Он жить хотел. А без него навек
Земля уральская осиротела.

III

Я потерял учителя и друга —
Не пережить години горевой.
Лечу себя то городом, то лугом,
То степью, то закамскою тайгой.
Все дальше поезда меня увозят
От кладбищ, от рыдающей вдовы.
В пути жара сменяется предгрозыем,
Предгрозые — половодьем синевы.
Костром зеленым лето полыхает,
Березами просвечивая даль.
Но скорбь о друге все не утихает.
Утихнет ли? Притупится ль?
Едва ль!..

П. П.
М. П.

* * *

Памяти В. И. Радкевича

Он умер. А снится живой.
Шагает ромашковым полем,
Точнее, парит над землей!
В глазах ни грустинки, ни боли.
Такая в глазах глубина,
Такая раздольная удаль,
Что родина ясно видна
От Камы до камня Полюда!
Как в жизни, спросил он во сне,
А может, и чуточку строже:
«Ты что ж не приходишь ко мне?
Совсем на тебя не похоже».
Ну как в оправданье, скорбя,
Какими ответить словами?..
Поэт, мы зарыли тебя,
В жестокой оставили яме.
С июньских мучительных дней
Глаза виноватые прячем,
Приходим к могиле твоей —
Хмельные и трезвые — плачем.

.

*   *   *

Один поэт ушел в июле,
Другой, как стало холодать.
За пятьдесят перешагнули —
И друг за другом умирать.
И слава осенью покрылась,
Как фотоснимки на кресте.
Толпа поклонниц растворилась
В житейской гулкой суете.
И только вдовы бледнолицы
Живут во времени былом.
В квартирах мечутся, как птицы
С незаживающим крылом.
Да на могилах друг старинный
Однажды вытянет вино,
Прошепелявит, как былины,
Стихи забытые давно.

* * *

Памяти Н. Ф. Домовитова

Поэт не дожил до рассвета:
Вздохнул спокойно — и умолк.
Еще не тронул липы ветер,
Не грянул птичий перещелк.
Еще земля не просыпалась,
А он безжизненно уснул.
Забыв и раны, и усталость,
Последний лист перевернул.

СТИХИ ОБ ОТЦЕ

I

Отца болезнь свалила с ног —
Сквозящий холод душу выюжит.
Да разве кто подумать ног,
Что и Макарыч занедужит?!

По жизни воз ташил, как вол, —
Трещали кости от работы.
Бывал и сыт, но чаще гол,
Как в осень тополь у болота.

Пахал и сеял, и косил
Во благо родины полынной.
А как на все хватало сил,
Господь не знает и поныне.

Не сгинул в дождь и в суховея
Среди вселенских горьких буден.
Из кожи лез, а сыновей,
Как говорится, вывел в люди.

И вот в палате — сам не свой —
Лежит в бинтах, промокших кровью,
И мы дежури́м день-деньской,
В мольбе припавши к изголовью.

Свечой полночной тает жизнь,
И тени прошлого ложатся.
И все-таки, отец, держись,
Хоть силы нет уже держаться.

II

Веду отца больничным коридором —
Как тяжёк путь!
                    Как длинен коридор!
Отцу-страдальцу, видимо, не скоро

Ушла эпоха».
Эпоха чести и труда,
Отцова доля.
Его извечная страда
Осталась в поле.
Под семьдесят рабочий стаж,
Не в стаже дело.
Душа к земле до смертных чаш
Не охладела.
Дай, Боже, так вот бы и мне
Прожить на свете.
И горький плач в июньском дне
Уносит ветер.
Среди полей, хлебов и троп
Стенанье рушу.
Могильщик гвоздь вбивает в гроб,
А словно в душу.
Шепчу в слезах: «Осиротел» —
Родному дому.
Прости отец, что не успел
К тебе живому.

ПАМЯТИ ДРУГА

Ветра. Дожди. Промокло поле.
До нитки старый клен промок.
Ни в дождь, ни в снег Косенко Толя
Не забежит на огонек.
Не возвратится на мгновенье.
Ничем нельзя ему помочь.
Навек обрел уединенье —
Ушел в кладбищенскую ночь.
И слезы были, и рыдания,
И водка на помин была.
Ушел. А жаждал сострадания,
Не принимал ни лжи, ни зла.
Пред нищим — двери нараспашку!
Наугощает от души.
Отдаст последнюю рубашку,
Отдаст последние гроши.
Он пил с друзьями. И с врагами,
Чтоб стали чуточку добрей.
Не мог ни жестом, ни словами
Обидеть праведных людей.
А вот его-то — знает каждый —
И обижали, да не раз.
Никто не верил, что однажды
Оставит, кающихся, нас.
Скорбит его изба пустая —
Семейство, жаль, не занимел.
Скорбит и женщина простая,
Какую сватать не посмел..
Я с ним прошел огни и воды:
Чудил, влюблялся и страдал.
И в детстве, в горестные годы,
Как вся Россия, голодал.

Чтоб выжить, сусликов ловили
Среди прожаренных полей.
И в пору жатвы брали вилы,
Как под Ежами голавлей.
От нас трещали за деревней
Бахчи и яблоневый сад.
Тогда не ведали, что время
Не возвращается назад.
А где ж теперь ты, милый Толя,
В каком дремучем далеке?
Ну кто споет о русском поле,
О тонком чудо-колоске?
Ужель не слышишь, как равнина
Клокочет хлебною рекой?..
А мы с братаном у камина
Сидим и пьем за упокой.
Ты нашим был единоверцем,
Добром пронизанный насквозь.
Не оттого ль до срока сердце
От доброты разорвалось?..

В середине дня темно вокруг —
Ни рваных кленов, ни реки.
И душу гложат сквозняки,
И книга валится из рук,
Когда навек уходит друг.
Я с ним делил не только хлеб —
Тоску и радость на двоих,
Бывало так промеж родных.
Я прозревал с ним, а не слеп,
И в тяжкий год мужал и креп.
А с кем теперь пути пылить
В липучий зной, в крутой мороз? —
Ответа нету на вопрос...
Жестоко в одиночку пить.
Жестоко друга позабыть.

С М Е Р Т Ь

Смерть безжалостно косит
И друзей, и врагов.
Никого не расспросит:
Много ль, мало ль грехов?
Косит всех под гребенку,
Как под Курской дугой,
От малютки-ребенка
До старухи седой.
Чашу смертную каждый
Выпивает до дна.
Видно, мучает жажда
Без такого вина.

* * *

Ни колоса ржаного, ни ромашки —
На сеновалы сгинула трава.
Поля оделись в черные рубашки,
Раскинув на подсвета рукава.
Трубят ветра органной музой Баха.
И с каждым днем на сердце тяжелей:
Не время ль мне под черную рубаху
По-матерински плачущих полей?..

Косматый лес, шуми и пой,
Не опускай вихры устало.
Хотя над вечною землей
Тебе недолго петь осталось.
Сорвут ветра, зальют дожди
Твои протертые доспехи.
Вскружит зима. Того и жди —
Метель натравит для потехи.
Никто от смерти не уйдет:
Легко ли, тяжело ли живется.
Пусть она себе грядет,
Мы будем петь, пока поется.
Косматый лес, чтоб после нас,
Больных, взъерошенных, усталых,
Остался пусть и не рассказ,
Но песня грустная осталась.

* * *

Душа не терпит холод ледящий,
А холод — не смолкает ни на миг.
Редея, стонут взвихренные чащи,
От листьев задыхается родник.
Топыря хвост, кумекает ворона:
Где скрыться, бедолаге, от ветров.
У пастухов собаки, как под кроной,
Ютятся под боками у коров.
Легко ль сквозь боль и снеговой летящий
Нести свои усталые года?
От холода, от жизни ледящей
Куда же мне-то спрятаться, куда?..

Михаилу Гасенегеру

Не молил у судьбы, не молю
Жизни слаще, вольготней и проще.
Я, как прежде, с друзьями делю
Хлеб и кров, и осенние рощи,
Что мне дорого, тем и делюсь.
Худо ль, бедно ль — живу добротой!
Ею издавна славилась Русь
В годы взлета и в годы застоя.
Только плата иная была.
Доброта бедовала в неволе.
На свободе творители зла —
И душа задыхалась от боли...
Чтоб ни грянуло, нам у судьбы
Жизни слаще молить не пристало.
Сор мы вымели прочь из избы,
Разве это для радости мало?
Лишь бы светлой равнина была,
Не чернела от горького рока.
У родных и друзей зеркала
Не заешивались раньше срока.

Д Е Д   К Л И М

Евгению Шелонникову

Жил на свете дед Шелонник,
Имя деда было Клим.
Добрых дел большой паломник,
От земли неотделим.
Одевался скромно, просто.
Легок был в любом пути.
Невысокий с виду ростом,
Да широк и тверд в кости.
Плел корзины. Избы строил
С дивной вязью и резьбой.
Оставлял тепло живое
В память Холмовке родной.
Жил безбедно с бабой Анной.
За весной текла весна,
Но внезапно и неожиданно
Разломила мир война.
Ночь зависла вместо сини,
Поле выжег суховей.
Клим отдал святой России
Восемь бравых сыновей.
Ни гаданья, ни молитвы
В горький час не помогли.
Не вернулись парни с битвы —
На чужбине легли.
Деда гнули боль и мука,
Но лихой беде назло,
Поднимал за внуком внука,
Делом радуя село.
Обучал разумно, с толком
Труд любить и жить в чести.

Тарантасы и кошелки,
И плетни учил плести.
И с годами зацветало
В прутьях ивовых село.
Если денег не хватало —
Деда Клима вдаль несли!
За границы, за кордоны,
За гремучие мосты.
Нанимался в плотогоны —
Гнал по Неману плоты.
Возвращался со снегами,
Рад, что чуточку богат.
Обцелованный ветрами,
Крепок, жилист, бородат.
И опять своей науке
Обучал премного лет.
Уходили в люди внуки,
И гордился ими дед.
За стаканом в день погожий
Изрекал он: «Хорошо,
Что мой Женька стал художник —
В деда, стало быть, пошел!»
Жизнь была худой и любой —
Сотню лет сумел прожить.
Клим давно под старым дубом
В милой Холмовке лежит.
Но жива его наука,
Коль в село людей зовет.
Дед живет в картинах внука,
И в стихах теперь живет.

КОРЗИНА

Евгению Шелонникову

Отложи-ка, художник, картину,
И потертый мольберт отложи.
Пусть хотя бы на время застынут
На холсте облака и стрижи.
Пусть рябина застынет и омут,
Но бывшее на миг возврати:
Из черемухи ли, из соломы ль
Мне корзину на память сплети.
Да такую, что Боже мой правый,
Как в годину всемирной беды
Плел не ради какой-то забавы,—
Плел, как дед, из великой нужды.
Деда Клима Шелонника нету—
Он тебя ремеслу обучал.
Сгинул он, да не сгинули в Лету
Свет и радость, что дед излучал.
Отложи-ка, мольберт свой, художник,
За назойливость, друг мой, прости—
Деда Клима на свете продолжи—
Мне корзину на память сплети.
Позабуду житейские беды,
Коль взгляну на корзину в тиши:
И услышу дыхание деда,
И твоей одинокой души..

П Е Й З А Ж

А. Н. Тумбасову

Такой пейзаж художник написал,
Что красотой сразил поэта-друга.
Как будто перенес кусочек луга,
Над ним легко навесил небеса.
В нем жило все: и травы, и цветы.
Как брошенная кем-то хворостинка,
Указывала путь к селу тропинка,
И жаворонок падал с высоты.
Поэт дивился этой красоте.
Не удержался — и холста коснулся:
Пейзаж живой природой обернулся —
И травы закачались на холсте!

Х У Д О Ж Н И К

Н. П. Горбунову

I

Ах, добрый художник народный,
Ну как выживаешь теперь,
Когда непрестижный, немодный,
И много свалилось потерь?
Я вижу. Не надо ответа.
Но, главное, друг, не хандри.
Пейзажи твои и портреты
Готов я смотреть до зари.
Картины, как жизнь, необычны,
Как Русь необычна сама.
Светлы, но до боли трагичны,
Порою — сплошная тюрьма.
Ты стены тюремные рушишь,
Почти не касаясь дверей.
И лечишь заблудшие души
Живительной краской своей.

II

Романтик жюль-верновской дали,
Романтик майн-ридовских строк,
Твою мастерскую едва ли
Пройдешь, не ступив на порог.
А ступишь — провалишься в омут
Дремучих и трав, и лесов,
В кипенье бурлящих черемух,
В бунтующий мир парусов.
И холодно станет, и знойно
Среди поэтичных картин,

Когда с полотна беспокойно
Посмотрит Иван Басаргин:
Писатель сибирской закваски,
Стихийной судьбы человек.
Прекрасно, что в книге и краске
Его продолжается век.
В искусстве ни тени обмана —
На злато талант не менял.
Жестокою быль океана
Ты собственной кожей познал.
Не сгинул на свадьбе и тризне,
Не застила слава глаза.
К тебе за реальностью жизни
Идут и враги, и друзья.
Утешишь — и черт нам не страшен.
Наверное, друг, неспроста
От пензенских речек и пашен
Струится твоя доброта.
Она ни штормам не подвластна,
Ни жизненной качке крутой,
Ни власти: ни белой, ни красной,
Орущей над каждой верстой.
Где вольно над лесом и долом
Сквозят синевой небеса.
И живы твои Оцеолы,
И живы твои паруса.

III

Осиротела мастерская.
Ушел художник в мир иной.
Друзей компания лихая
Вдову обходит стороной.
А было время — пировали!
Клубился дым до потолка.

И чуть не все тогда бывали
Бессмертными наверняка.
Но миновали круговерти.
И вот мы пьем за упокой.
А был-то он один бессмертным
Среди компании лихой.
Не зря и в злую быль и сказки,
Как дань нетленной красоте,
Его живительные краски
Не замерзают на холсте.

* * *

Много дней непогода шумит
Сквозняками, хлебами, лесами.
Даль глухая дождями дымит
Да взлохмаченными небесами.
Под угором, бунтуя, река
Хлещет берег густыми волнами.
Словно лилии, топит века
Вместе с тучами, с волей и с нами.
Ах, уймись, непогода, уймись!
Мы и так на веку пошумели,
Что и в старость спокойную жизнь,
Словню тишь, обрести не сумели.

* * *

Брату Николаю

После странствий горестных и долгих
То ль на радость, то ли на беду
По тропинке в августовский полдень
На погост к родителям иду.
Незабвенных свято вспоминаю:
Мать у печки, батька на коне...
Только степь, сторонушка родная,
Не совсем приветлива ко мне.
Тучами глядится, а не синью.
Насыляет буйные ветра,
Что швыряют пылью и пылью,
Как бесхлебьем слезная пора.
Никого со мною по дороге.
Прячу взгляд в холодную траву:
Видимо, родители в тревоге,
Что опять неправильно живу.

*   *   *

Отец и мать ушли в поля
И задержались там навеки.
И превратились в тополя,
А тополя — в живые вехи.
По вехам, сгорбившись, иду —
Не расстоянья измеряю,
А боль свою, свою нужду
На жизни предков проверяю.

1

Теперь бы маме было девяносто,
Но десять лет, как спит в земле сырой.
Пришел бы к ней, родимой, до погоста
С полынью и ромашкой полевой.
Пришел бы к ней, да тыщи километров.
Ухабисто меж нами пролегли.
И душу рвут бунтующие ветры
Чужой, насквозь простуженной земли.
Лавиной прут сугробы по округе.
Навстречу бор разлапист и велик.
Но светится сквозь взорванные **вьюги**
Усталой мамы выстраданный **лик**.
Забыв, как сон, дремучие разлуки
В ее посмертной траурной зиме,
Тяну к ней леденеющие руки —
И руки провисают в полутьме..

* * *

Свой путь нелегкий подытожив,
В родную землю прадеды легли.
И не могли при жизни без земли,
И после жизни — тоже.

Валерию Осипову

Мы с тобою, друг, бессмертны,
Если в нас пути кружат,
Да поют и рвутся ветры
Горевых и добрых жатв.
Если в нас полынь и вежа,
Песня предков и мольба.
Если в нас живет от века
Древнерусская изба.
Проступает незаметно,
Как заря, потомков рать...
Мы с тобою, друг, бессмертны —
И не страшно умирать.

С Т Е П Ь

Ответь мне степь в сентябрьской тишине:

— Куда мои родные предки скрылись?—

— Они в степи, а стало быть, во мне.

— Не скрылись на века, а растворились.

Но что ж теперь поделать, дай совет.

Я с ними не успел наговориться.

— Да не тужи! — вещала степь в ответ —

— Тебе сначала надо раствориться.

* * *

Прошел и радости, и боли.
Крещен и зноем, и грозой.
Мои стихи пропахли полем,
А значит — хлебом и росой,
Страдой, цветами и полынью,
Чем жив родительский порог.
Пропахли вьюгой и теплынью
Среди ухабов и дорог.
Когда накатят снова боли,
Накатит бешеная грусть,
Тогда уйду в широко поле —
И русским полем растворюсь!

* * *

Смертны зверь и небесная птица,
Муравей, человек и тюльпан.
Смертна ива, что в речку глядится
Сквозь осенний тяжелый туман.
Но в години слепой круговерти
Под рыданье метели былой
Смертный мир переходит в бессмертье,
Обернувшись бессмертной землей.

•

НАГРАДА

Сколь ни бродил по белу свету.
А понял, истина верна:
Что настоящему поэту
Награда вовсе не нужна.
Пускай владеют ею власти —
Они от века ждут наград.
Поэт и в ведро, и в ненастье,
Как хлебной корке, строчке рад.
Хотя не пишется порою
И душу выжигает боль.
Поэт в застое и в запое,
Махра на утро, лук да соль.
Но у творца едина все же
Награда есть, как торжество,
Когда читатель жить не может
Без словотворчества его.

* * *

Не видно ни солнца, ни сини —
Клокастые тучи штормят.
Гуляют дожди по России,
Грома древнетишье громят.
Ни спрятаться негде, ни скрыться,—
Как в горе—душа на излом.
И мечешься старою птицей
С пробитым навывлет крылом.
Но хватит ли воли и силы
Подняться, восстать, чтоб успеть
Для доброй и вечной России
Последнюю песню допеть?!

ЗАВОЛЖЬЕ. ЗНОИ-96

От солнца мой край ослеп.
Земля не рождает хлеб.
В степи, как в аду, жара,
Дымят от нее ветра.
Не видно вдали орла —
Боишься спалить крыла.
В луга не летит пчела —
Сгорели цветы дотла.
И пруд откипел давно,
Уже на ладони дно.
От страха ветла дрожит...
И все-таки надо жить!

Ж И З Н Ь

Она и ластится, и жалит,
И перевозносит, и клянет,
Ведет, шутя, в степные дали,
И в глушь таежную ведет.
Из тьмы, как пашня, чернопластою
Являет вдруг на белый свет.
И в день погожий, и в ненастный
У жизни постоянства нет.
В рабочей сутолке и в праздной
Моя заходится душа:
Ведь жизнь всегда разнообразна,
А потому и хороша!

С Ы Н У

Мой славный сын,
Мой мальчик добрый,
Моя судьба, мои крыла,
Не плачь, когда, как тать, под ребра
Ударит жизнь из-под угла.
Терпи, хоть свалишься от боли,
Хоть перехватит дух—терпи.
Не будь один в крутой юдоли,
Как суховей в пустой степи.
Не вешать нос, не затеряться,
Не захлебнуться в кабаках —
За честь и совесть надо драться
На митинговых сквозняках.
Для битвы есть бывшее средство,
Я смело утверждать берусь:
Оставлю я тебе в наследство
Святую дедовскую Русь..
Она спасет и в жутком споре,
А сшибки будут впереди,
Она спасет и в тяжком горе —
Лишь ты ее не подведи.

К неудаче и сбою привык,
К наговорам и горестям — **тоже**
Да по-прежнему жизни родник
Добротою высокой тревожит.
Зачерпну — и добра через край!
Путь увижу единственный верный.
Ничего, что в округе не рай,
Но душою оттаю от скверны
Пусть на время, а может на миг —
Все равно благодарен судьбине,
Что в годах моих горевых
Был я рад и ветле, и рябине.

* * *

Ивану Тонких

Не получится встречи короткой,
Коль в Корнеевку я попаду.
Друг запотчует медом и водкой
И в избе, и на вольном пруду,
Где нам цапля отвесит поклоны,
Растворясь в камышовой глуши.
И кустарники ветром зеленым
Из-под круч прошумят, как стрижи.
Душу птицами выпеснят степи,
Вспомним предков своих. А потом
Босиком под березовый лепет
По оврагу, как в детстве, пойдем.
С кручи свесят седые папахи
Древнерусских времен ковыли.
Мы кострами и волей пропахнем
И былинами отчей земли.
Ни разруха, ни враг, ни мука
И поныне теперь не страшны.
В нас Добрыня, Сусанин и Жуков,
И герои Великой войны.
И Гагарин с Есенинской синью
Удивленных мальчишеских глаз.
Это значит, что крепко Россия
И клокочет, и пенится в нас
Хлебной степью, оврагом и лодкой,
Ожидающей нас на пруду...
Не получится встречи короткой,
Коль в Корнеевку я попаду.

* * *

В зеленом, в белом цвете, в синем
Луга и рядом, и вдали.
И тянет песенной Россией,
Как разнотравьем, от земли.
Люби простор, читай, как сказки,
Вдыхай озвученный покой.
За эти радужные краски
Не надо платы никакой.
Благодарю, земля родная,
Что ты и в горести цветешь:
То на душе полынь седая,
То, как спасительница, рожь.

В Р Е М Я

Небо тучами перегружено,
Еле держится на весу.
Вяжет осень цветное кружево,
Восседая на пне в лесу.
Удивиться красою некому —
Каждый занят своим трудом:
Грач о дальнем пути кумекает,
Человек утепляет дом.
Дятел глуше стучит, тревожится,
Удлинняет рабочий день.
На ветру под ольхой корежится,
Словно чудище злое, тень.
Время вроде неспешно тянется.
Спину выпрямит человек,
От сует отдохнет, оглянется, —
Да уже на исходе век!

* * *

**В. Маликову,
И. Тонких**

Бессильны сшибка, склока и обман,
Подмешанные водкою и брагой,
Когда со мною Виктор да Иван,
И с нами степь с Березовым оврагом,
Где столько отшумело жатв и гроз!—
Не сосчитать историку любому,
Слышать шаги во ржи и меж берез
Прапрадедов, страдающих по дому.
Они кричат хлебами и травой,
Березовым оврагом и прудами,
Чтоб свято мы хранили степь живой,
И сберегли о наших предках память.
Хоть страшен бой с гуляющим врагом,
Жирующим в отеческой округе,
Но отстоим и родину, и дом —
Не потому ли встретились мы, други?!
Разбой кровавый, голод и обман
Мы сдюжим. Хватит мужества и силы,
Когда со мною Виктор да Иван,
И с нами степь, а значит — и Россия!

И ДРЕВНЯЯ, И БУДУЩАЯ РУСЬ

Я пас коров на пастбище недалеком,
Ометы с мужиками завершал.
Тайгой дышал и синим Забайкальем,
И Петербургом пушкинским дышал.
Под переливы тульского баяна
Мне пел Есенина рязанский хор.
Великим старцем Ясная Поляна
Вела со мной душевный разговор.
Шляпинным среди разноголосий
Взрывала Волга радужно меня.
Леса тянули в Болдинскую осень,
Стихами и романсами звеня.
Ошеломляло Западным Уралом,
Сибирским трактом в девственной глуши.
И пело бездорожье, и рыдало
Строкой, необходимой для души.
Но сколько б ни блукал по белу свету,
А снова тропы манят по стране.
И прежде чем навечно кануть в Лету,
Я поклонюсь родимой стороне,
Что для меня величье открывала
Сквозь ворох бурь
и стонущую грусть,
Что каждым вздохом
к сердцу подступала
И древняя,
и будущая Русь!

ПЕРЕВОДЫ С АЗЕРБАЙДЖАНСКОГО

Мамедрагим Рагимов

М О И   Д У М Ы

Путь машины, лодки, самолета,
Путь повозки в лапах колеи —
Это все мои дела-заботы,
Думы одинокие мои.
Шум вокзалов — счастье и тревоги
Душу будоражат наяву.
Я всегда с далеких лет в дороге —
Может потому я и живу?!

ПРОЧТИ ПО МОИМ ГЛАЗАМ

На пути поездов,
Из ночи выходящих,
Навевающих сон перестуком колес,
Я с Пегасом своим,
Словно факел горящий,
Не смыкаю глаза до предутренних рос.
Мой Пегас впереди,
Чтобы сон машиниста
В сладкий плен не забрал, чтоб **вернулся**
к друзьям.
А любовь к человеку,
Что к жизни неистов,
Ты прочти по моим воспаленным глазам.

ОСЕННИЕ СВАДЬБЫ

Пора осенних свадеб наступила.
Ковал с зурной настроены не зря.
Старуха даже танцы не забыла,
О молодых уже не говоря.
В сердцах горячих нежность поселится,
Когда невеста чайкой проплывет.
А мать, взглянув на дочку, прослезится,
Потом к платочку влажному прильнет.
В округе дети шумно зарезвятся,
Былое детство вспомнится и нам:
И в бабочки машины превратятся,
И полетят неслышно к облакам...
Жених танцует четко и свободно.
Родные и друзья навеселе.
Пляшите, люди, сколь душе угодно —
Пора осенних свадеб на земле!

УВИДЕВ ТЕБЯ

В одежде черной постоянно
Тебя я вижу много лет.
Открой, красавица, мне тайны,
Что значит этот черный цвет?
Хоть он идет тебе, не скрою.
Меня ж — обрадует едва ль.
Он в сердце будит, как бывшее,
Мою глубокую печаль.
Скажи, по ком ты держишь траур?
Да разве ты, как я, живешь?
Ты из могил родного края
Друзей и близких не зовешь.
Прости, но черную одежду
Смени, пожалуйста, тогда.
Чтоб я встречал тебя, как прежде,
Но не скорбел бы никогда.

П О И С К

Давно тропинкою окольной
Ушел, оставив отчий дом.
Прожженный солнцем, бродишь **вольно**
По свету белому пешком.
Дыханье затаив, не слышишь
Ни пенье птиц, ни шум ветров.
В душе слова и чувства дышат,
Как тыщи радужных цветов.
Горят, пылают невозможно
Фазаном горным золотым.
А вздрогнешь чуть неосторожно —
И превратятся в синий дым.
Твои глаза, как дула, станут
Двустволки — спутнице дорог.
Точеной дробью зубы станут,
А губы — вздернутый курок.
И лишь одно словцо, не боле,
Уронишь в знойный травостой,
Как грянет выстрел по-над полем!..
Что будет, Господи, с тобой?..

В Н О В Ь

Надсмеялась легко над любовью моей —
Мне казалось, не выдывал горя сильней.
Почему же с того злополучного дня
Ты влилась, как росистое утро, в меня?
Мне казалось, навеки обманутым стал,
Как журавль с поднебесья на камни упал.
Сердце вздрогнув, рванулось..
И стало темно,
О холодные камни разбилось оно..
Но я выжил, не сгинул от боли в ночи.
Я сердечные раны стихами лечил.
Что поднялся на холм,
благодарен судьбе.
Вновь пою и слагаю стихи о тебе!

МОЯ МИГ ПОЭЗИИ

Когда ложатся семена
В продутые ветрами пашни,
Я забываю день вчерашний, —
В моей душе кипит весна!
Как жемчуг самый дорогой,
Как семицветье горных радуг,
Любое зернышко мне в радость,
Припорошенное строкой.
А чувства светлые легки.
Уже меня страда пленяет:
В стихи вплетаются,
склоняя
Свои головки,
колоски.

ХОЛОСТЯЦКАЯ ЖИЗНЬ

Друзья с холостяцкою жизнью расстались.
Живут-поживают, кто счастлив, кто нет.
С тобою лишь мы во вселенной остались,
Кому не желали «Любовь да совет»,
Уже начинает воочью казаться,
Что небо скорей упадет на холмы,
Что горы вселенские соединятся,
Как с Камою Волга, но только не мы.
С разлукой давай распрощаемся вместе.
Страдания и муки не пустим и в дом.
Одену костюм жениха,

ты — невесты...

Конечно, к согласию если придем.

О С Т А Л О С Ь

Когда я грел на очаге калач,
То вспомнил хлеб далекий просяной.
Забыв про годы горьких неудач,
Его мы уплетали всей семьей.
Какие были радостные дни!
Звенели свадьбы с черною зурной.
Но где ж теперь хоронятся юни,
В каком краю сторонушки глухой?
Я с памятью расстаться не могу,
Душа моя той памятью жива.
О мельнице ручной на берегу
Остались нерожденные слова.
Стихи и песни, канувшие в тьму,
Остались там, как травы на лугу.
Осталось детство там. И потому
Я с памятью расстаться не могу.

НЕ УТЕШАЕТСЯ ДУША

Звучит во мне все горше и сильней
Рыданье матери над мертвым сыном,
Прощаясь с ним, рыдают вместе с ней
Луга и реки, лес и вечер синий.
И страшный крик клокочет над землей,
Напоминая людям боль и горе.
Я плачу. И душой своей больной
Людское взбудораживаю море.
Пока на свете крики матерей,
Пока надежд и помыслов крушение,
Не будет никогда душе моей
Ни мира, ни тепла, ни утешенья.

ЛЮБОВЬ К ЗЕМЛЕ

Когда начало пахоты, которой нет конца,
Под вечер появляется созвездие Стрельца.
Я тихо думаю думаю, мне грусто и во мгле,
За строчкой строчка вяжется любовно о земле.
И слышится дыхание прапрадедовских троп —
Идет оратай праведный — спаситель-хлебобоб,
Чьи руки узловатые, как корни у чинар.
Сердечно дарят пахарю поклоны мал и стар.
Я слышу, как потоками, взрывая тишину,
Плывут хлеба звенящие, как свадьбы под зурну.
Ветра гуляют по свету, не знающие сна.
Во мне переплетаются стихами времена,
Где к горизонту тянутся, не ведая дорог,
Всклобоченные борозды невыдуманных строк.

ВО СНЕ Я УВИДЕЛ...

Увидел четко я во сне,
Как пляшут в радости соседи,
Как Левитан по всей стране
Вещает гордо о Победе.
Домой отцы и сыновья
Идут, идут с войны великой.
Ликует Родина моя,
Гремят оркестры вместо крика.
Не плачут матери теперь —
Господь услышал их молитвы.
В стране ни горя, ни потерь —
Вернулись все живыми с битвы.
За свадьбой свадьба. Пир горой.
Поют и пьют в застолье гости.
Я был на свадьбах тамадой,
Провозглашал стихами тосты...
Когда узнал бы я во сне,
Что многим с битвы не вернуться,
Тогда — уверен! — было б мне
От горя утром не проснуться.

•

РАДОСТЬ ТРУДА

Как невеста свадьбу,
                ждет посева
Полюшко, что вспахано давно.
Ждет, когда в таинственное чрево
Упадет набухшее зерно..
Вот и ветры маем задышали —
Люди вышли на извечный труд
Горьким потом, едкой пылью
                                дали

На полсвета пахнут и цветут.
Не заметишь в счастье и в тревоге,
Как в полях проклюнутся ростки,
Как, с ветрами споря, у дороги
Бить поклоны будут колоски.
Хлебобобы зной и холод дикий
Передюжат, как ни тяжело.
Человек живет трудом великим,
Радуюсь и верую светло.

В Т О М П О Ж А Р Е...

Я помню, как годы мальчишьи текли,
Как мать уходила на жатву из дома.
Тогда успокоить меня не могли
Сердечные притчи родных и знакомых.
Рыдал я вслед мамы,

как будто бы знал —
Все меньше на свете ей жить остается.
Хоть мал, утешенье одно принимал,
Что все-таки мама под вечер вернется...
Не стало родимой.

Она умерла.
Сквозь годы я плачу на отчих истоках.
Мечты и надежды сгорели дотла —
Не я ли сгорел в том
пожаре жестоком?..

Н О Е Т   С Е Р Д Ц Е (М О И   Г О Д Ы)

Рассыпаны, как звезды по Вселенной.
Мои года, ушедшие давно.
Но по ночам из дали незабвенной
Они стучатся вьюгою в окно.
Куда ни повернусь, куда ни гляну —
Печальный мальчуган передо мной
Платком цветным бинтует, словно рану,
Оставленный на завтра хлеб ржаной.
Я мальчугана утешаю песней —
Глаза его становятся теплей.
А годы плачут из былых безвестий,
От плача их тревожней и больней.
Я не могу утешить годы эти
Святою притчей, канувшей во тьму.
Без матерей страдающих
на свете
Сирот не успокоить никому.

М О Я   З В Е З Д А

(песня)

На небе одна приглянулась звезда,
Она мне по сердцу пришлась навсегда.
Куда б ни поехать, куда б ни пойти —
Мерцает звезда у меня на пути.
От звезд отличается светом иным,
Который сочится сквозь тучи и дым.
На пиках вершин восседает в тиши
Звезда — мой огонь, мой пожар для души.
Лишь глянет из бездны — и в росах трава,
И песня прольется, и к песне слова.
Звезда — мой товарищ, любовь и жилье,
Отчизна моя, вдохновенье мое!

Л И В Е Н Ь

Ливень рухнул из тучи, звеня,
Ошарашил бурлящим потоком.
Возвратил на мгновенье меня
К забытым родимым истокам.
Я увидел, — и боль не унять! —
Как тепло и любовно в ладошки
Молодая красивая мать
Нам кладет ирсыяные лепешки.
Я увидел себя на коне,
По-мальчишьи прильнувшего к гриве.
Ах, спасибо, что детство ко мне
Возвратил ты, сверкающий ливень!
Сколько ж в памяти я сохранил
Дат, хороших людей и событий?
Сколько ж их потерял, обронил,
Сколько их навсегда позабыто?
Ливень, ливень, хлещи же сильней
Сквозь чинар вековых
стенанья!
Если можешь, верни поскорей
Позабытые воспоминанья.

В О С П О М И Н А Н И Е

На теплой земле, как на чистом листе,
Похожий на глобус, мы круг рисовали.
И, прыгая в круг, ремешками хлестали,
Хлестали того, кто стоял на черте.
А он за ремень, изловчившись, хватал,
Все правила древней игры не нарушив.
Ташил, что есть мочи, как рыбу на сушу.
И тут на черту проигравший вставал.
Становится вечностью детства пора,
Как вросшая в землю чинара густая.
Но в сердце всегда из дали воскресает
Порой испытаний былая игра.

С Е М Е Н Н О Е   З Е Р Н О

Спит в земле семенное зерно,
Прорастает и дышит неслышно.
Спит покрытое тайной оно,
Свежей пашней, как теплою крышей.
Мать-земля пеленала его
И качала в своей колыбели.
Пеленала до срока того,
Как над полем ветра потеплели.
И рванулись на волю ростки,
Будоража и землю, и небо.
Заплескали ростков родники,
Превращенные в озеро хлеба.
Мать-земля, веселясь и грустя,
Смотрит в дали, мечтая о жатве,
Словно зрит не в пеленках дитя,
А на свадьбе веселой и жаркой.

К О Н Ъ

Мне конь-огонь необходим,
Чтоб из ноздрей не пар, а дым.
Чтоб не боясь ни рек, ни скал,
Не зная устали, скакал
По тропам, по горам седым.
Мне конь-огонь необходим.
Чтоб ног не ранила стерня —
Пусть крылья будут у коня
Из хлестких молний сплетены!
Во все края родной страны
Средь ночи долгой или дня
Летел бы он и нес меня.
Я ликовал бы — так хочу! —
Любая даль мне по плечу.
Но если конь устанет вдруг —
Тогда он больше мне не друг.
В дороге или у плетня
Покину сразу я коня.
Мне конь-огонь необходим,
Чтоб из ноздрей не пар, а дым.
Чтоб даже я, как ни был строг,
Остановить коня не мог.
Летел бы он, судьбой гоним...
Мне конь-огонь необходим.

ЧЕЛОВЕЧЕСКАЯ ПАМЯТЬ

Людская память из веков в века
Вещала песен и легенд немало.
И прославляла мудрость старика,
И дремлющие тайны раскрывала.
Как жемчуг, что нанизанный на нить,
Дошла до нас, преодолев дороги.
Нам ею жить, для правнуков хранить,
Чтоб не иссякла в горе и в тревоге.

•

М О Ж Е Т...

У гениев тяжелая работа
Трудиться, словно каторжник, до пота.
Из века в век, из года в год
Струится с них соленый пот.. /
Так может говорят не зря —
Из пота гениев моря?..

Х Л Е Б

Чтоб никогда не снился страшный сон,
Я под подушку клал кусочек хлеба.
Но если забывал, то снился стон,
То снилось, как разламывалось небо.
Луна металась в выбитом окне.
Я задыхался в этой круговерти.
И подступало чудище ко мне,
И не хотелось жить,

я жаждал смерти.

Но весны шли, шумели надо мной.
О страшных снах теперь не вспоминаю.
Все потому, что больше хлеб родной
Я под подушку класть не забываю.
В войну и в голод,

в самый тяжкий год

Мы свято верили, как другу,
Что хлеб родной спасает

и спасет

От горя,

от несчастья,

от недуга

ЗАВОДИЛА РЕЧЬ

Едва вскрывался свежий пласт земли,
Как стаи птиц весну провозглашали.
Едва рассвет затеплился вдали,
Как травы медоносные сияли.
Как теплое парное молоко,
Земля, вздыхая, паром исходила.
Но речь уже приветно и легко
О новом урожае заводила.

С В Е Т И Т С Я

Человек распахивает поле —
Испокон работа горяча.
Руки от порезов и мозолей
Ноют невозможно по ночам,
А под утро, что и днем вчерашним,
Снова оставляет отчий дом.
Вымещает боль свою на пашне,
Тяжким исцеляется трудом,
Человек неразделим с работой,
Жизнь его не зря и в снег, и в вной
Добротою светится и потом,
Солнцем и краюшкою ржаной.

СО Д Е Р Ж А Н И Е

«Мы все...»	3
Русь	5
История	6
Ковыльные холмы	7
Ныробский узник	8
«Иду настречу...»	10
Вещая река	12
«В леса одетые...»	13
Стихия	14
«В дождях полощется...»	15
Чердынская зима	16
Рига	17
Балтийское море	18
«Не время холоду...»	19
«Над Чердыню...»	20
«Редют сады»	21
Сто первая верста	22
1. «Изба крестьянская...»	22
2. «Не дожил...»	24
3. «Обмыли...»	24
Урок истории	25
«Мы помним...»	26
Правда	27
Дед	28
22 июня	29
Ровеснику	30
Колоски	31
«Война убила сыновей»	32
Ива	33
Вдова	34
В вечном карауле	35
Шинель	36

Весна	37
Русский солдат	38
Воин	39
Тетя Нюра	40
Я приеду	42
Расскажи мне	43
Ушел солдат	44
У обелиска	45
«Больные спят...»	46
«На легкий труд...»	47
«Вот видишь...»	48
«По колено в крапиве...»	49
«Нас войны гнули...»	50
«Мне снилась...»	51
Пограничный поселок	52
Фатьяновские песни	53
Родине	54
«Не согнемся...»	55
«По утрам...»	56
«Пока, ребята...»	57
Ханты-Мансийск	58
Урай	59
Нягань	60
Таежные ребята	62
Тайга	64
Березовый овраг	65
«Родился я...»	67
«От Енисея...»	69
Раковка	70
«Щербатый забор»	71
«Ни почты...»	72
«На погост...»	73
«Мне смотреть...»	74
Марицин сад	75

1. «Где стояла изба...» . . .	75
2. «В забвеньи...» . . .	76
Русский человек . . .	77
Лебеда . . .	78
«Вспахали...» . . .	79
«От распрей...» . . .	80
«Лес порублен...» . . .	81
«Ни песен русских...» . . .	82
Хлеб . . .	83
«Сума пуста...» . . .	84
«Облака лохматят...» . . .	85
«На Родине...» . . .	86
«Ну что же...» . . .	87
«За Родину...» . . .	88
«Державу...» . . .	89
«Потянуло друга...» . . .	90
«Ветра кидаются...» . . .	91
«Земля моя...» . . .	92
«Вымораживал...» . . .	93
Родина . . .	94
«Без России...» . . .	95
«Я город...» . . .	96
«Говорю себе...» . . .	97
«Нельзя прожить...» . . .	98
В поезде . . .	99
Наследство . . .	100
Простор . . .	101
«Рыжеют и листья...» . . .	102
«Над Невою...» . . .	103
Пушкин . . .	105
В Михайловском . . .	106
Письмо . . .	107
Декабрист . . .	108
«Какое чувство...» . . .	109

Дорога	110
В Болдине	111
Ветла	112
Лучинник	113
«Над Болдином...»	114
Февронья	115
Болдинская осень	117
Всадник	118
Черная речка	119
«Суетливые черные птицы...»	120
«Разыгравшись...»	121
Полонский	122
Ясная Поляна	123
Василий Каменский	124
Бунин	126
Саврасов	127
Проселок	128
Море	129
3 Октября	130
Строки	131
Плач	132
«Кричали в печати...»	133
Село	134
«Волнующий...»	135
Рязанское раздолье	136
На Оке	137
Исцеление	138
Постоянство	139
Август	140
«Листья зашумели...»	141
«Сухо в лесу...»	142
«Вновь грачи...»	143
«В полях...»	144
«Вышел неторопко...»	145

Старый дуб	146
Осенний ветер	147
«На дворе ноябрь...»	148
«Нынче просто беда...»	149
«Резвятся стежки...»	150
«Декабрь...»	151
«Зима...»	152
«Сугробы...»	153
«Утро...»	154
«Над родной...»	155
«Завалена...»	156
Конюх	157
Кузьма	158
Кедры	159
Грядет февраль	160
«Тоской затянута...»	162
«От зимы...»	163
«И сказки...»	164
«Жить в миру...»	165
«Февраль...»	166
Следы	167
«От капель звон...»	168
Ярослава	169
Суксунские женщины	170
«Время кленам...»	171
«И грязь, и снег...»	172
«Густым закатом...»	173
«Май дождями...»	174
Свет Родины	175
Зов	176
«Камыш...»	177
«Закат обронил...»	178
«Было б точно...»	179
«Шелохнулась волна...»	180

«Растаял птичий...»	181
«Замер ветер...»	182
«Над головою...»	183
«Пропел петух...»	184
Июль	
1. «Ошеломил июль...»	185
2. «Июль несомною жарой...»	185
Ванюшка-водовоз	186
Тропа-тропинка	188
«Как художник...»	190
«Один в лесу...»	191
Студенческие вирши	192
Вдохновение	193
Удивление	194
В поисках слова	195
«По небу...»	197
«Нависла туча...»	198
«Ветра качают...»	199
Русалки	200
На рыбалке	202
На пруду	203
«По капле...»	205
«Считает лось...»	206
Селезень	207
«С горы тропинка...»	208
«Не унимался...»	209
«Смирился дождь...»	210
«Что есть мочи...»	211
«Ветра метут...»	212
Листья	213
«Расстались...»	214
«Дожди и ветры...»	215
«Я рад...»	216
«Боль давно...»	217

«Чаше мы на страде...»	218
«Листья не успели...»	219
«Полетели снега...»	220
«Не гнался...»	221
Поэт	222
«...И чем талантливей...»	224
«Поэт в больнице»	225
Памяти поэта	1. «Он жил взахлеб...» 226
	2. «Не думал...» 226
	3. «Я потерял...» 227
«Он умер...»	228
«Один поэт ушел...»	229
«Поэт не дожил...»	230
Стихи об отце	1. «Отца болезнь...» 231
	2. «Веду отца...» 231
	3. «Прости...» 232
Памяти друга	234
«В середине дня...»	236
Смерть	237
«Ни колоса ржаного...»	238
«Косматый лес...»	239
«Душа не терпит...»	240
«Не молил...»	241
Дед Клим	243
Корзина	245
Пейзаж	246
Художник	1. «Ах, добрый...» 247
	2. «Романтик...» 248
	3. «Осиротела мастерская...» 249
«Много дней...»	250
«После странствий...»	251
«Отец и мать...»	252
«Теперь бы маме...»	253
«Свой путь...»	254

«Мы с тобою...»	255
Степь	256
«Прошел и радости...»	257
«Смертны зверь...»	258
Награда	259
«Не видно...»	260
Заволжье	261
Жизнь	261
Сыну	263
«К неудачам...»	264
«Не получится...»	265
«В зеленом...»	266
Время	267
«Бессильны...»	268
И древняя, и будущая Русь	269

ПЕРЕВОДЫ С АЗЕРБАЙДЖАНСКОГО

Мамедрагим Рагимов

Мои думы	270
Прочти по моим глазам	271
Осенние свадьбы	272
Увидев тебя	273
Поиск	274
Вновь	275
Мой миг поэзии	276
Холостяцкая жизнь	277
Осталось	278
Не утешается душа	279
Любовь к земле	280
Во сне я увидел	281
Радость труда	282
В том пожаре	283
Поет сердце	284
Моя звезда	285
Ливень	286

Воспоминание	.	.	.	.	.	287
Семенное зерно	.	.	.	.	.	288
Конь	.	.	.	.	.	289
Человеческая память	.	.	.	.	.	290
Может	.	.	.	.	.	291
Хлеб	.	.	.	.	.	292
Заводила речь	.	.	.	.	.	293
Светится	.	.	.	.	.	294

Литературно-художественное издание

ВОСТРИКОВ

Федор Сергеевич

И ДРЕВНЯЯ, И БУДУЩАЯ РУСЬ

СТИХИ

Выпуск 1997 год

Спонсоры: городская муниципальная хозрасчетная поликлиника. Главный врач **Каменских С. Н.**;
фирма «Надежда». Директор **Кузнецов Л. Я.**

Художник **Е. Д. ШЕЛОННИКОВ**

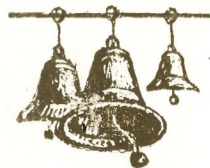
Корректор **Т. А. ЛАТЫШЕВА**

Технический редактор **В. П. ГОВЯЗИН**

Фото **В. БИКМАЕВ**

Подписано в печать 3.12.97 г. Формат 60х84. $1/32$.
Бумага офсетная № 2. Гарнитура литературная.
Высокая печать. Печ. листов $9/5$.

Отпеч. в ИПП «Реал», тир. 1000 экз.,
зак. 2800—1997

и древняя
и будущая

русь

федор
востриков

федор
востриков

и древняя
и будущая

русь